

ТИХОНОВ МАКСИМ

The background of the poster features a young, dark-furred wolf with striking blue eyes, sitting on a rocky outcrop. Behind the wolf, a large, imposing stone castle with multiple towers and spires is perched on a steep, forested mountain. The scene is set in a dark, misty environment with jagged mountains in the distance under a cloudy sky with a bright light source, possibly the moon or a low sun.

ИСТОРИЯ
ОДНОГО
ВОЛЧОНКА

Максим Тихонов

История одного Волчонка

<https://litres.ru/73995428>

SelfPub; 2026

Аннотация

Это отдельная книга от основной истории. События происходят за тысячи лет до первой книге в фэнтезийном мире. Главный герой Умбрис нелюбимый всеми полубог пытается выжить. История его рождения. О его родной планете Илион. Их войне. Любви и дружбе и предательстве.

Содержание

введение	4
Глава 1	13
Глава 2	38
Глава 3	54
Интерлюдия 1	64
Глава 4	68
Глава 5	90
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Максим Тихонов

История одного Волчонка

введение

Солнце медленно поднималось из-за горизонта, разрывая багровый край ночи. Холодный рассвет ложился на город тусклой сталью, и в этом свете особенно отчётливо проступали руины, дымящиеся проломы стен и обугленные крыши. В воздухе стоял запах гари, крови и мокрого камня. Летнее утро всё ещё пыталось казаться мирным, но мир уже кончился.

Этой ночью пал ещё один светлый бог.

Мир пока не рухнул окончательно — где-то ещё держались последние оплоты, где-то сопротивление ещё огрызалось, цепляясь за остатки старого порядка. Но Анубис, стоявший на балконе разрушенного дворца, смотрел на восход и знал: это лишь отсрочка. Пройдут годы, столетия, может быть, тысячелетия — и свет падёт везде. Иначе быть не может. Иначе он не Анубис.

У него был план.

Высокая фигура бога почти не двигалась. Чёрная шерсть на загривке едва колыхалась от ветра. Золотой пектораль на широкой груди тускло отсвечивал в рассветном мареве, а

длинные пальцы спокойно лежали на рукояти тёмного меча. Он смотрел не на пламя и не на дым. Он смотрел дальше — туда, где уже видел следующий шаг.

Внизу, в тронном зале, на холодных плитах умирал Рейвел.

Ещё вчера здесь звучала музыка, горел свет, склонялись колени придворных. Теперь по ступеням стекала кровь, чадили разбитые светильники, а между колоннами гулял сквозняк, шевеля сорванные знамена. Рейвел лежал на боку, тяжело дыша, и взгляд его уже мутнел. Но в нём ещё теплилась одна мысль, последняя, упрямая: Алисия и Лавия успели уйти.

Эта мысль прожила недолго.

Из коридора донёсся крик — резкий, сорванный, живой.
— Нет! Убери от меня руки! Слышишь? Убери! Мой муж тебя уничтожит!

В зал втащили Алисию. Один из воинов держал её за локоть так крепко, что пальцы побелели даже сквозь чёрную перчатку. Она вырывалась, спотыкалась, почти падала, но всё равно пыталась развернуться и ударить его свободной рукой. За ними вошёл ещё один стражник. На руках у него была маленькая девочка — светловолосая, бледная, заплаканная. Лавия уже не кричала. Только судорожно хваталась за чужой доспех и смотрела огромными, полными ужаса глазами.

Анубис медленно обернулся.

Его взгляд сначала скользнул по Алисии, потом по ребёнку, затем остановился на Рейвеле. На лице шакалоголового бога не отразилось ни торжества, ни спешки. Он не наслаждался победой — он принимал её как должное.

— Рейвел!..

Алисия рванулась вперёд с такой силой, что воин не удержал её. Она выскользнула из его хватки, бросилась через зал и рухнула на колени рядом с мужем. Её ладони тут же легли ему на лицо, на грудь, словно она ещё могла вернуть в это тело жизнь.

— Рейвел... Рейвел, посмотри на меня... — голос её дрогнул. — Нет. Нет, пожалуйста. Только не сейчас. Только не так.

Она прижалась лбом к его груди, будто надеялась услышать хотя бы слабый удар сердца. Ничего. Только холод, который уже начал забирать его тело.

За её спиной легла тень.

Анубис подошёл почти бесшумно. Лезвие его меча поднялось над её головой.

Воины замерли. Лавия всхлипнула и дёрнулась в руках стражника.

Но Алисия вдруг перестала плакать.

Она не поднялась. Не обернулась. Только медленно выпрямила спину и убрала дрожащую ладонь с груди мужа. Слезы всё ещё текли по её щекам, но голос, когда она заговорила, прозвучал ровно:

— Что будет с моей дочерью?

Анубис чуть склонил голову, будто вопрос его позабавил.

— То же, что и с тобой, — сказал он спокойно. — Казнь.

Ваш род должен закончиться здесь.

Лавия тихо пискнула, прижимая кулачки к груди. Алисия закрыла глаза на одно короткое мгновение, потом медленно поднялась с колен. Когда она повернулась, лицо её было бледным, мокрым от слёз, но взгляд — прямым.

— Нет, — сказала она. — Девочку ты не тронешь.

Один из воинов едва заметно шевельнулся, словно ждал приказа. Анубис не шелохнулся.

— Ты сейчас не в том положении, чтобы ставить условия.

— А ты не в том положении, чтобы терять выгоду, — отрезала Алисия.

В зале стало так тихо, что было слышно, как где-то в дальней галерее капает вода.

Анубис прищурился. Его пальцы чуть крепче сжали рукоять меча.

— Говори.

Алисия выпрямилась ещё сильнее, хотя плечи у неё дрожали от усталости.

— Ты пришёл не просто убивать. Иначе уже убил бы нас обоих. Значит, тебе что-то нужно.

На секунду между ними повисло странное, тяжёлое молчание. Один из воинов украдкой перевёл взгляд с пленницы на своего господина. Лавия всхлипывала всё тише, будто

чувствовала: сейчас решается не только их жизнь, но и что-то большее.

Анубис опустил меч. Не до конца — лишь настолько, чтобы все в зале поняли: он слушает.

— Ты права, — произнёс он. — Мне не нужна лишняя кровь. Мне нужно подчинение, которое переживёт эту ночь.

Он сделал ещё шаг и остановился совсем близко. Алисия не отступила, хотя дыхание её стало чаще.

— Твои земли будут бунтовать, — продолжил он. — Ваши короли склонятся не перед страхом, а перед законным знаком власти. Им нужен наследник. Тот, в чьих жилах будет течь кровь их богини... и моя.

Алисия побледнела сильнее, хотя ещё мгновение назад казалось, что это невозможно.

— Нет, — почти беззвучно сказала она.

Анубис будто и не услышал.

— Ты родишь мне сына. Через него меня признают те, кто ещё цепляется за старый порядок. Он станет символом новой власти. Моим напоминанием этому миру.

Он перевёл взгляд на Лавию.

Девочка тут же сжалась, опустила голову, но не смогла отвести глаз.

— А она принесёт клятву верности на крови, — сказал Анубис. — И будет жить.

— Нет, — уже громче повторила Алисия и шагнула к нему. — Нет. Ты не понимаешь, о чём просишь. Если я за-

беременею от темного бога то плод будет уничтожать меня изнутри .

— Понимаю лучше тебя.

— Это убьёт меня.

— Возможно.

Ответ прозвучал так просто, что у одного из стражей дёрнулась щека.

Алисия смотрела на Анубиса несколько долгих секунд. В её глазах вспыхнула ярость — не бессильная, не истеричная, а чистая, жгучая. Воздух вокруг неё чуть дрогнул, будто сама ткань мира откликнулась на остатки её силы. На запястьях, стиснутых магическими печатями, проступило слабое золотое свечение.

Воин, державший Лавию, напрягся.

— Осторожнее, господин, — выдохнул он.

Анубис едва повёл рукой, приказывая ему молчать.

Он смотрел на Алисию без страха. И всё же теперь — внимательнее.

Перед ним стояла не сломленная пленница. Перед ним стояла мать, у которой уже отняли мужа, дом, мир и имя, но которая всё ещё была готова торговаться с богом ради жизни дочери.

— Ты всё ещё думаешь, что можешь отказаться? — тихо спросил он.

Алисия судорожно вдохнула. На миг её взгляд метнулся к Рейвелу, к его неподвижному телу, потом к Лавии. Девочка

дрожала так сильно, что звякали металлические пластины на чужом наруче, в который она вцепилась.

И в этот момент Алисия всё поняла.

Если она откажется, ее и Лавию убьют прямо здесь.

Если согласится — она умрёт позже. Медленно. Страшно. Но дочь останется жива.

Выбор был чудовищным. И всё же это был выбор.

Она опустила ресницы. Когда подняла их снова, взгляд у неё уже изменился. В нём ещё жила боль, ещё тлел ужас, но поверх них легло что-то твёрдое и окончательное.

— Что ты сделаешь с ней после клятвы? — спросила она.

Анубис ответил сразу:

— Она будет жить.

— Не лги мне.

— Я не лгу, когда даю слово.

Алисия всматривалась в него так, будто пыталась увидеть не лицо, а саму границу, за которой кончается обман и начинается расчёт. Потом медленно кивнула.

— Хорошо, — сказала она хрипло.

Лавия вскинула голову.

— Мама?..

Алисия не обернулась. Если бы она сейчас посмотрела на дочь ещё раз, сил могло не хватить.

— Хорошо, Анубис, — повторила она уже ровнее. — Будет по-твоему.

На последних словах её голос всё же дрогнул. Совсем

чуть-чуть. Но этого хватило, чтобы Лавия заплакала снова — тихо, сдавленно, как плачут дети, когда чувствуют настоящую беду, но ещё не могут назвать её словами.

Анубис молча смотрел на Алисию. Затем убрал меч.

— Уведите девочку, — приказал он.

— Нет! — Лавия дёрнулась так резко, что стражнику пришлось перехватить её крепче. — Мама! Мама, не оставляй меня!..

Только теперь Алисия обернулась.

Она подошла к дочери быстро, почти резко, словно боялась передумать. Опустилась перед ней на колени, взяла её лицо в обе ладони и поцеловала в лоб. Пальцы у неё дрожали.

— Слушай меня, Лавия, — прошептала она. — Слушай очень внимательно. Что бы ни случилось дальше, ты должна жить. Поняла?

Девочка захлёбывалась слезами и мотала головой.

— Мамочка, пожалуйста...

— Нет, — Алисия прижалась лбом к её лбу. — Не спорь со мной. Живи. И не смей винить себя. Никогда. Слышишь? Лавия всхлипнула и вцепилась в её рукав.

— Я боюсь...

На миг лицо Алисии исказилось. Вот теперь страх провалился наружу — настоящий, человеческий, без всякой царственной выдержки. Но она тут же взяла себя в руки и улыбнулась. Слишком мягко. Слишком больно.

— Я знаю, моя девочка, — прошептала она. — Я тоже.

Стражник потянул Лавию назад.

Пальцы ребёнка соскользнули с ткани материнского рукава.

Алисия медленно поднялась. Больше она не плакала.

Так закончилась её прежняя жизнь.

Позже она родит сына и угаснет, словно светильник, в который подлили не масло, а яд. Лавия выживет и станет тенью при дворе победителя. А мальчик, которого назовут Умбрисом, вырастет живым напоминанием о цене поражения — и о сделке, заключённой на крови.

Глава 1

Прошло несколько лет.

Тарбис отстроили заново — быстро, жестоко и без права на память.

Новый город вырос на костях старого так стремительно, словно кто-то пытался стереть само воспоминание о том, что здесь когда-то существовала другая жизнь. Там, где прежде шумели сады, звенели фонтаны и возвышались белоснежные дворцы династии Нейн, теперь тянулись прямые, как лезвия мечей, улицы. Черные башни поднимались к небу острыми шпилями. Каменные фасады казались одинаковыми — безликими и холодными, будто их создавали не для людей, а для строя и порядка.

Даже воздух здесь изменился. Из него исчезли запахи цветов, выпечки и речной воды. Их сменили гарь кузниц, дым плавлен и вечный запах мокрого камня. Город больше не жил. Он функционировал. Каждый квартал имел своё назначение. Каждый житель — своё место. Каждый шаг был подчинён новому порядку. Тарбис превратился не в столицу.

В памятник поражению. В каменное доказательство чужой победы. Но покорённым оказался далеко не весь мир. По всей империи Нейн вспыхивали восстания.

Где-то среди лесов бесследно исчезал гарнизон. Где-то ночью вспыхивали склады с провиантом и оружием. Где-то

на рассвете жители находили на центральной площади тело очередного чиновника с перерезанным горлом и запиской, прибитой к груди ножом. Сопротивление умирало медленно. Слишком медленно. Однако всякий раз ответ приходил быстро. И страшно. Наместник Терн не вел переговоров. Не обещал помилования. Не искал виновных. Он искал виноватых.

Целые деревни исчезали после одного нападения на имперский патруль. Подозреваемых вешали вдоль дорог. Захваченных мятежников казнили публично, превращая расправы в урок для остальных. Очень скоро о Терне начали говорить шёпотом даже там, где уже не осталось надежды на сопротивление. Люди боялись не только его самого. Они боялись, что однажды он узнает их имя. Сам Анубис давно покинул этот мир. Его не стало несколько лет назад, но последствия его появления продолжали менять судьбы тысяч людей. Он оставил после себя наместника. Оставил жнецов. Оставил новый порядок. И оставил сына, ради которого когда-то пролилась кровь целой династии. План продолжал двигаться вперёд. Медленно. Неумолимо.

— Лавия, вставай.

Голос прозвучал раньше, чем скрипнула дверь. Лавия открыла глаза не сразу.

Несколько секунд она лежала неподвижно, уткнувшись щекой в подушку, и смотрела на дрожащий круг света от лампы на стене. За окном едва занимался рассвет. Тусклые

лучи пробирались сквозь узкие ставни и ложились на пол бледными полосами.

В комнате пахло сушёными травами, старым деревом и прохладой камня. Обычно этот запах её успокаивал. Напоминал о доме. О матери. О временах, когда мир ещё казался понятным. Но не сегодня. Сегодня внутри снова поселилось знакомое беспокойство. Тяжёлое и липкое.

— Лавия, ты слышишь?

Она медленно села на постели и только тогда обернулась. В дверях стоял мальчик лет десяти. Худой. Невысокий. Слишком упрямой для своего возраста. Чёрные волосы падали на лоб неровной прядью, а алые глаза в сумраке коридора казались почти светящимися. Лавия каждый раз замечала одно и то же. Пока он молчал, в нём появлялось что-то пугающе взрослое. Что-то чужое. Иногда ей казалось, что в эти мгновения он становится удивительно похож на своего отца. Не внешностью. Чем-то другим. Взглядом. Спокойствием. Ощущением скрытой силы. Силы, которой не должно быть в ребёнке. Маленький убийца. Мысль пришла, как всегда, быстро и зло. И, как всегда, вслед за ней пришёл стыд.

Потому что мальчик, стоявший сейчас в дверях, не сделал ничего, чтобы заслужить подобные слова. Он просто смотрел на неё сонными глазами и ждал. Но избавиться от этой мысли Лавия не могла уже много лет. Слишком много людей погибло ради его рождения. Слишком многое было потеряно. Она сглотнула и первой отвела взгляд.

— Я встаю, — сказала она хрипловато после сна. — Подожди во дворе.

Лицо Умбриса мгновенно изменилось. Будто кто-то задул невидимую свечу. Исчезла настораживающая серьёзность. Исчезло странное спокойствие. Перед ней снова оказался обычный мальчишка.

— Только не долго, ладно? — оживлённо сказал он. — Рейк сказал, что сегодня покажет новые приёмы. Настоящие. Не скучную разминку.

Он даже переступил с ноги на ногу от нетерпения. В глазах загорелся знакомый восторг. Лавия едва заметно выдохнула. Вот такого Умбриса ей было легче понимать. Когда он говорил быстро. Когда сбивался. Когда забывал подбирать слова. Когда был просто ребёнком. Не наследием Анубиса. Не частью чужого плана. Не символом новой эпохи. Просто мальчиком.

— Иди уже, — сказала она чуть мягче. — Я сейчас выйду.
— Жду!

Он улыбнулся и исчез за дверью так быстро, словно боялся опоздать. По коридору застучали удаляющиеся шаги. Лавия слушала их ещё несколько секунд. Пока они не стихли совсем. И только тогда позволила себе тяжело выдохнуть. Ей предстоял ещё один день рядом с мальчиком, которого она обещала защищать. И которого до сих пор не могла заставить себя полюбить.

Лавия ещё несколько секунд сидела неподвижно.

Из коридора уже не доносились шаги Умбриса. Дом постепенно просыпался. Где-то внизу скрипнула дверь, слышались приглушенные голоса слуг, звякнула посуда.

Начинался новый день. Она медленно провела ладонями по лицу, прогоняя остатки сна, и поднялась с постели. Пол под ногами оказался неприятно холодным. Подойдя к зеркалу, Лавия задержалась возле него дольше, чем собиралась. Из серебристой поверхности на неё смотрела молодая девушка. Бледное лицо. Туго собранные волосы. Тонкая вертикальная морщинка между бровями, появившаяся слишком рано. И глаза. Усталые глаза человека, который давно перестал чувствовать себя ребёнком. Когда-то она ненавидела зеркала. Они слишком сильно напоминали мать. Теперь наоборот — каждый год сходства становилось всё меньше. И это почему-то пугало. Сегодня будет общая тренировка. От этой мысли внутри всё неприятно сжалось. Не привычный двор. Не ежедневные занятия с Рейком. Не безопасная замкнутость их крыла, где все давно привыкли друг к другу. Сегодня арена. Другие дети. Те, кто пережил войну. Те, кто помнит старый мир. Те, кто помнит её отца. Те, кто помнит её саму. Лавия медленно выдохнула. Почти пять лет её держали в стороне. Учили. Проверяли. Готовили к чему-то, о чём никто не говорил вслух. И всё это время она почти не встречалась с детьми старых родов. С теми, кто когда-то был её друзьями. С теми, кто видел её принцессой. А теперь увидит воспитанницей нового режима. И Малик. Одного этого

имени оказалось достаточно. В груди стало тесно. Она отвернулась от зеркала и подошла к стулу, на котором лежала тренировочная одежда. Малик. Когда-то ей казалось, что они будут дружить всегда. Она помнила длинные дворцовые галереи. Солнечный свет на мраморном полу. Шёпот заговоров против наставников. Смешные клятвы, которые дети дают друг другу, искренне веря, что так будет до конца жизни. Сколько ему сейчас? Пятнадцать? Шестнадцать? Изменился ли он? Помнит ли её вообще? И если помнит, то кем считает теперь? Лавия резко затянула ремень на куртке. Слишком сильно. Кожа неприятно скрипнула.

— Хватит, — тихо сказала она сама себе.

Никаких лишних мыслей. Никаких воспоминаний. Только выдержка. Только контроль. Именно этому её учили все эти годы. Чувства делают человека слабым. Ошибки начинаются там, где заканчивается самообладание. Она повторяла эти слова столько раз, что давно могла произнести их даже во сне. Но стоило ей подумать об Умбрисе, как внутри снова зашевелилось старое чувство. Глухое. Неприятное. Похожее на занозу, которую никак не удаётся вытащить. Неприязнь.

Лавия ненавидела себя за неё. Каждый раз. Каждый день. Каждый год. Умбрис никогда не делал ей ничего плохого. Наоборот. Он искренне радовался каждой её улыбке. Искал её одобрения. Пытался заслужить похвалу. Смотрел на неё так, словно она была самым близким человеком в его жизни. А она всё равно иногда ловила себя на том, что видит

не мальчика. Видит Анубиса. Видит кровь. Видит разрушенный Тарбис. И тогда ей становилось стыдно. Словно в такие моменты она предавала не Умбриса. Себя. Как удар из прошлого в памяти прозвучал голос матери.

«Прости его, Лавия. Дети не отвечают за грехи отцов. И позаботься о нем».

Она зажмурилась. На мгновение ей даже показалось, что мать стоит рядом. Такой, какой она её запомнила. Спокойной. Доброй. Невозможно сильной.

— Я стараюсь, мама, — тихо прошептала Лавия своему отражению. — Правда стараюсь.

Во внутренний двор она вышла уже собранной. Все лишние эмоции снова были спрятаны глубоко внутри. По крайней мере, ей хотелось в это верить. Умбрис ждал у дорожки, ведущей к тренировочной площадке. Он стоял перед большим знаменем, свисавшим с арки, и смотрел на него так сосредоточенно, будто пытался разгадать какую-то загадку. Лавия невольно замедлила шаг.

На чёрном шелке серебром были вышиты Весы Равновесия. На одной чаше лежало перо. На другой — меч. Символ нового мира. Символ власти, построенной на страхе и порядке. Закон и сила. Подчинение и наказание. Для большинства жителей империи этот знак давно стал чем-то вроде предупреждения. Но Умбрис смотрел на него иначе. С искренним восхищением. Словно видел не угрозу, а обещание.

— Ты опять на него смотришь? — спросила Лавия, под-

ходя ближе.

Умбрис вздрогнул. Он настолько задумался, что действительно не услышал её шагов.

— Оно красивое, — сказал он.

Потом немного нахмурился и добавил:

— И правильное.

Лавия посмотрела сначала на знамя, потом на него.

— Правильное?

— Ну да.

Он пожал плечами.

— Если все будут делать то, что должны, тогда не будет хаоса.

С каждым словом его голос становился увереннее. Он говорил так, как говорят дети, искренне верящие в справедливость взрослых.

— Тогда не будет войн. Не будет бандитов. Не будет голода. И никого не придётся наказывать. Лавия невольно задержала взгляд на вышитом мече. Странно. Когда она была маленькой, ей тоже казалось, что мир можно исправить правильными законами. Потом пришла жизнь.

— Всё просто только на тканях и в книгах, Умбрис.

Он поднял на неё глаза.

— А как тогда?

Лавия долго молчала.

Слишком долго для такого простого вопроса. Потому что ответов было много. Смерть. Предательство. Страх. Потери.

Разочарование. Но в итоге она выбрала самое честное слово.

— Больно, — тихо сказала она. — Обычно так.

Умбрис нахмурился. Не обиделся. Не стал спорить. Просто задумался. Как делал всегда, когда сталкивался с чем-то, что не вписывалось в его аккуратную картину мира. Несколько секунд они стояли молча. Ветер шевелил знамя над их головами. Серебряные нити поблёскивали в лучах утреннего солнца. Наконец Умбрис мотнул головой, словно прогоняя тяжёлые мысли.

— Пойдём? А то Рейк опять скажет, что я слишком много думаю и слишком мало двигаюсь.

Это прозвучало так искренне и по-детски, что Лавия невольно улыбнулась. Совсем чуть-чуть.

— В этом он, возможно, прав.

Умбрис тут же просиял, словно получил важную похвалу. И они пошли рядом по каменной дорожке навстречу дню, который должен был изменить гораздо больше, чем им обоим казалось.

Утро было ясным, почти обманчиво мирным.

Высоко над крепостью раскинулось чистое небо, вымытое светом и прохладой. Солнце только начинало подниматься над стенами Тарбиса, окрашивая верхушки башен в бледное золото. Ветер лениво гулял по внутренним дворам, гоня по каменным плитам сухие травинки и шевеля края темных знамен.

Мир выглядел спокойным. Слишком спокойным. Умбрис

шагал рядом с Лавией и сначала выглядел почти счастливым. Он постоянно оглядывался по сторонам. Следил за тренировками младших воинов. Провожал взглядом пролетающих над стенами птиц. Несколько раз даже открывал рот, явно собираясь что-то спросить. Но чем ближе они подходили к общим дворам, тем сильнее менялся. Лавия заметила это почти сразу. Сначала он просто замолчал.

Потом стал реже смотреть по сторонам. Потом его шаги сделались осторожнее. А потом он будто начал становиться меньше. Втянул голову в плечи. Опустил взгляд. Спрятал руки за спину. Будто заранее готовился к чему-то неприятному. Будто шел не на тренировку, а на суд. Лавия едва заметно нахмурилась. Он всегда так делал. Каждый раз, когда оказывался среди большого количества людей. Каждый раз, когда выходил за пределы тех мест, где чувствовал себя в безопасности. Словно заранее ждал удара. И хуже всего было то, что жизнь уже не раз учила его ждать именно этого. На тренировочной площадке уже находились слуги, младшие воины и несколько наставников. Кто-то переносил стойки для оружия. Кто-то проверял тренировочные манекены. Кто-то обсуждал что-то возле оружейной.

Обычное утро. Обычные люди. Но стоило им заметить Умбриса, как всё повторилось снова. Никто не подошел. Никто не поздоровался. Никто не заговорил. Только взгляды. Мимолетные. Быстрые. Настороженные. Некоторые были наполнены любопытством. Некоторые — неприязнью.

Некоторые — откровенным страхом. Особенно страхом. Лавия давно заметила, что многие взрослые боялись Умбриса куда сильнее, чем дети. Они знали, кем был его отец. Знали, на что тот был способен. И иногда смотрели на мальчика так, словно ожидали однажды увидеть в его глазах того самого Анубиса.

Умбрис делал вид, что ничего не замечает. Смотрел себе под ноги. Шел вперед. Сохранял спокойное лицо. Но Лавия знала его слишком хорошо. Замечает. Всегда замечает. Каждый взгляд. Каждый шепот. Каждую слишком долгую паузу в разговоре. Просто давно научился делать вид, что ему всё равно. От этого становилось только хуже.

— Разомнемся? — спросила она.

Просто чтобы дать ему за что-нибудь зацепиться. Умбрис поднял голову и слишком быстро кивнул. Словно был благодарен за возможность переключиться. Они начали с привычного круга упражнений.

Растяжка. Работа ног. Короткий бег. Отработка связок. Умбрис тренировался так, будто от этого зависела его жизнь. Иногда торопился. Иногда выбрасывал руку слишком резко. Иногда сбивался. Но каждый раз начинал заново. Снова. И снова. И снова. Стиснув зубы. Сердясь на себя сильнее, чем любой наставник мог бы сердиться. В этом был весь Умбрис. Ранимый. Упрямый. Гордый. И отчаянно жаждущий заслужить хоть чье-нибудь одобрение. Лавия как раз поправляла стойку после очередного упражнения, когда почувствовала

знакомое присутствие. Рейк появился почти бесшумно. Как всегда. Словно возник прямо из воздуха. Высокий. Широкоплечий. В строгой черной форме без единой складки. Он выглядел так, будто и сам был высечен из темного камня стен. Лавия знала его много лет. Именно поэтому сразу поняла — сегодня что-то отличается.

Лицо наставника оставалось прежним. Спокойным. Невозмутимым. Но взгляд был внимательнее обычного. Будто он наблюдал за ними с самого утра. И делал какие-то выводы.

— Довольно, — произнес он.

Умбрис мгновенно выпрямился.

— За мной.

Мальчик замер всего на мгновение. Потом его глаза загорелись.

— На главную арену? — спросил он.

И тут же попытался придать голосу серьезность. Будто боялся показаться слишком взволнованным.

— Вы же про неё говорили?

Рейк коротко кивнул.

— Да.

Сердце Умбриса, кажется, готово было выпрыгнуть из груди. Он ждал этого дня несколько месяцев.

— Сегодня у вас общее занятие.

Лицо мальчика озарилось такой искренней радостью, что Лавия невольно отвела взгляд. Потому что уже знала, чем

всё закончится.

— Правда? Со всеми?

— Со всеми, кого сочли достойными, — сухо ответил Рейк.

После чего перевел взгляд сначала на Умбриса, потом на Лавию.

— Держите себя в руках. Оба.

Последнее слово прозвучало особенно тяжело. Лавия сразу поняла, что наставник обращается прежде всего к ней. Она ничего не ответила. Только молча кивнула. Почти пять лет она не выходила к детям старых родов.

Учили. Испытывали. Готовили. Использовали. Но никогда не сталкивали с прошлым лицом к лицу. А теперь прошлое ждало её впереди. Во всей своей полноте. Она невольно посмотрела на Умбриса. Он шел рядом с Рейком и старательно изображал взрослого. Распрямил спину. Поднял подбородок. Даже шаг стал важнее и увереннее. Словно маленький мальчишка решил доказать всему миру, что уже вырос. И от этого зрелища внутри почему-то стало тяжело.

«Только ничего не испортъ», — устало подумала Лавия.

Главная арена встретила их прохладой.

Умбрис замер на пороге.

И впервые за всё утро забыл сделать следующий шаг.

Он слышал о ней, конечно. От Рейка, от слуг, даже от тех редких шёпотов, что долетали из-за стены, когда взрослые думали, что его нет рядом. Но одно дело — слышать, и со-

всем другое — увидеть своими глазами.

Арена уходила вниз огромной каменной чашей, ярус за ярусом. Чёрный базальт мягко поблескивал в рассеянном молочном свете, который лился сквозь высокие пластины алебаstra под тяжёлыми сводами. Свет был холодным, почти безжизненным, словно сюда специально не пускали солнце. Колонны по краям действительно напоминали сросшиеся кости древних чудовищ — толстые, кривые, с глубокими трещинами, будто их кто-то когда-то пытался сломать. В центре были расставлены мишени, стойки с учебным оружием и песчаные круги для спаррингов. Всё это выглядело привычным и одновременно чужим.

И дети.

Много.

Разных возрастов, но в основном старше Умбриса. Кто-то стоял группами, кто-то разминал кисти, кто-то лениво переговаривался. Воздух здесь был другим — густым, пропитанным пылью, потом, деревом и чем-то ещё, металлическим. От этого запаха слегка першило в горле.

Но едва троица вошла под своды арены, звуки начали стихать.

Сначала один голос оборвался на полуслове. Потом второй. Потом все сразу.

Наступила тишина.

Не обычная, а тяжёлая, плотная, как сырой воздух перед грозой. Умбрис почувствовал её кожей — холодными му-

рашками, которые побежали по спине и затылку. Ему вдруг стало трудно дышать. В ушах зазвенело.

На Лавию смотрели иначе. С жалостью. С любопытством. С памятью. Некоторые даже слегка кивали — едва заметно, почти против воли. Но на него

На него смотрели так, будто он был живым пятном на пре-
красной ткани. Чем-то, что не должно было здесь существо-
вать. Чем-то, что нужно было либо игнорировать, либо уни-
чтожить.

Один мальчишка лет двенадцати скривил губы, будто от
кислого вкуса. Девочка рядом с ним сделала полшага на-
зад — инстинктивно, как будто боялась, что Умбрис может
вдруг броситься на неё. Кто-то из старших нарочито медлен-
но скрестил руки на груди, демонстрируя, что не собирает-
ся ни здороваться, ни уступать дорогу. Кто-то шепнул что-
то соседу, и тот хмыкнул — коротко, презрительно, не сводя
глаз с мальчика.

Умбрис старался дышать ровно. Не показывать. Не сжать-
ся. Не спрятаться за Лавию, хотя тело само тянулось сделать
именно это.

Внутри всё сжалось в тугую, горячий комок. Он чувство-
вал, как вспотели ладони, как пересохло во рту, как сердце
стучит слишком громко — наверняка все слышат. Он знал
эти взгляды. Знал их давно. Они говорили без слов: «Мы
знаем, кто твой отец. Мы помним, что он сделал. И ты нико-
гда не будешь одним из нас».

Он не виноват. Он это знал. Но знание не отменяло тяжести в груди и того стыда, который поднимался откуда-то из самого нутра, — стыда за то, что он вообще родился.

Рейк вышел вперёд, и его голос, спокойный и твёрдый, разорвал тишину, как нож.

— Итак, — голос Рейка легко перекрыл пространство арены, но в нём не было ни тепла, ни поощрения. Только спокойная, почти равнодушная сила. — Сегодня у нас не просто занятие. Сегодня вы знакомитесь с тем, с кем будете учиться дальше.

Никто не ответил. Даже не зашёптались.

Рейк, казалось, и не ждал ответа.

— На следующей неделе Умбрис пойдёт в академию, — продолжил он. — Там будет куда больше людей. И куда меньше тех, кто связан клятвой. Так что привыкайте сейчас. Чем раньше вы начнёте воспринимать его как одного из своих, тем проще будет всем.

Он медленно обернулся к мальчику. Взгляд у наставника был ровным, но в нём читалось: «Это не просьба».

— Выйди вперёд.

Умбрис шагнул. Почти сразу почувствовал, как пересохло во рту — будто кто-то выскреб язык наждачной бумагой. Ноги вдруг стали тяжёлыми, словно наполнились свинцом.

— И скажи что-нибудь, — продолжил Рейк, не повышая голоса. — Они должны услышать тебя не только из слухов.

Это было жестоко. Лавия поняла это мгновенно. Рейк не

просто давал Умбрису шанс представиться — он намеренно бросал его под взгляды, как кусок мяса голодным псам. Хотел посмотреть, как мальчик справится. Или не справится. Но лицо наставника осталось совершенно непроницаемым.

Умбрис остановился перед полукругом чужих лиц.

Он столько раз репетировал эту речь. В комнате, у зеркала, шёпотом, потом громче, с жестами, без жестов. Представлял, как будет говорить спокойно и уверенно. Как все услышат в его голосе силу. Но там, дома, не было этих взглядов. Не было сдержанных смешков. Не было ненависти, которая висела в воздухе, тяжёлая и липкая, и ждала, когда он оступится.

Он сглотнул. Кадык дёрнулся слишком заметно.

— Я рад, что буду тренироваться вместе с вами.

Голос прозвучал тоньше и выше, чем ему хотелось. Он быстро сцепил руки за спиной, чтобы никто не видел, как дрожат пальцы.

— Я знаю, что вам — он запнулся и отчётливо услышал тихий смешок справа. Горло мгновенно сжалось. — Я знаю, что вам может быть непросто. Но я хотел бы хотел бы научиться сражаться рядом с вами. И быть полезным империи.

Последние слова он выговорил уже совсем глухо, почти шёпотом. Словно сам не верил, что имеет право их произносить.

Тишина после них оказалась страшнее любой насмешки. Она навалилась на арену тяжёлой, плотной массой. Никто

не ответил. Никто не кивнул. Никто даже не отвёл глаз. Все просто смотрели. Смотрели так, будто ждали, когда он окончательно сломается.

Умбрис почувствовал, как к щекам приливает жар — густой, позорный. Уши горели. В груди что-то болезненно сжалось, будто кто-то сжал кулак вокруг сердца.

Рейк выдержал короткую, почти издевательскую паузу.

— Достаточно, — сказал он наконец. — К строю.

Это было и спасением, и унижением, и облегчением одновременно.

Умбрис отошел в сторону, стараясь не смотреть никому в лицо. Каждое движение казалось слишком громким, слишком заметным. Он чувствовал, как спина становится мокрой под одеждой.

Лавия в этот момент уже почти не видела арену.

Её взгляд сам нашёл его — в третьем ряду, чуть левее колонны.

Малик.

Она узнала бы его и через десять лет, и через сотню чужих лиц. Он вытянулся, повзрослел, черты лица стали резче, а взгляд — спокойнее и глубже. Но улыбка улыбка осталась той же. Тёплой. Чуть нерешительной. Словно он тоже не знал, можно ли сейчас позволить себе эту радость.

И всё же позволил.

Едва заметно. Одними уголками губ. Почти незаметно для остальных, но для неё — как вспышка старого солнца.

У Лавии внутри что-то болезненно, почти физически дрогнуло. На один короткий миг арена, чужие взгляды, Рейк, страх, прошлое — всё отодвинулось. Остался только этот взгляд. И память о том, как они когда-то бегали по длинным дворцовым галереям, прятались за тяжёлыми портьерами от наставников, шептались по ночам и смеялись без оглядки на завтра. Тогда они были просто детьми. Тогда у неё ещё была мать. А у него — отец, который не был предателем.

— Лавия.

Голос Рейка ударил, как щелчок кнута по обнажённой коже.

Она вздрогнула так резко, что чуть не сделала шаг назад. Тут же опустила глаза, чувствуя, как по лицу растекается неловкость.

— Первый бой твой. На позицию.

— Да, наставник, — ответила она, и голос прозвучал ровнее, чем она ожидала.

Она вышла в песчаный круг, ощущая, как бешено колотится сердце. Не от предстоящего боя. А от того, что Малик здесь. Смотрит. Видит её такой — в чёрной тренировочной форме, с деревянным ножом в руке, рядом с сыном того, кто разрушил их мир.

И она не знала, что ей сейчас страшнее: его взгляд или то, что в глубине души ей всё ещё хотелось, чтобы он улыбнулся шире.

Краем глаза Лавия заметила Умбриса.

Он подошёл к группе ровесников — мальчишек и девочек примерно его возраста. Те молча расступились, оставив между собой и им пустое пространство. Не толкнули. Не сказали ни слова. Просто обозначили границу — невидимую, но твёрдую, как стена. Кто-то даже чуть отвернулся, будто присутствие Умбриса могло испачкать.

Умбрис остановился посреди этого пустого круга, будто не знал, можно ли ему сделать ещё шаг. Руки он снова сцепил за спиной — привычное движение, когда ему было страшно или стыдно. Он стоял прямо, но плечи были чуть опущены, а взгляд направлен в песок. Будто уже привык, что его место — всегда на краю.

И Лавию, против воли, кольнуло сожаление. Горькое, неприятное. Она быстро отвела глаза.

— Ну надо же, — раздался напротив насмешливый, чуть тягучий голос. — Наша пленённая принцесса всё-таки вышла к людям.

Перед ней стояла рыжеволосая девочка с острым подбородком и насмешливыми серыми глазами. Илва. Лавия помнила её смутно — совсем маленькой, шумной, вечно бегавшей за старшими и лезшей во все разговоры. Теперь в её лице уже проступала неприятная, колкая уверенность. Такая, какая бывает у тех, кто научился пользоваться чужой болью как оружием.

Илва крутанула в пальцах деревянный нож, будто играла им.

— Я думала, тебя так и будут держать на поводке во дворце. Под присмотром. Чтобы никто не видел, как ты теперь служишь новым хозяевам.

Лавия заняла стойку. Движения были отработанными, холодными.

— Закрой рот и работай.

Илва вскинула брови, будто даже обрадовалась. Глаза блеснули.

— Вот это уже интереснее.

Рейк поднёс свисток к губам.

— Первая пара. Начали.

Илва пошла в атаку сразу — без проверки, без круга, почти с яростью. Удар в горло был резким и точным, для её возраста даже очень хорошим. Но Лавия слишком долго тренировалась не с детьми.

Её левая рука молниеносно отбила запястье Илвы в сторону. Правая уже была у горла. Тупой конец деревянного клинка замер в миллиметре под подбородком.

Илва застыла.

— Убита, — тихо, почти без эмоций сказала Лавия.

Вокруг кто-то резко втянул воздух. Кто-то тихо выругался.

Илва медленно отступила. На скулах у неё вспыхнули ярко-красные пятна — то ли от злости, то ли от унижения. Она растирала запястье, глядя на Лавию с новой, более осторожной ненавистью.

— Красиво, — процедила она. — Видно, тебя натаскивали всерьёз. Не зря, значит, держали в стороне.

Лавия молчала. Не улыбнулась. Не опустила взгляд.

Илва наклонила голову набок и бросила быстрый, намеренно заметный взгляд на Умбриса, который всё ещё стоял в своём пустом круге.

— Жаль только, что всё это на службе у твоего чудовища.

Лавия почувствовала, как внутри мгновенно вскипает что-то горячее и острое.

Не потому, что Илва была неправа. А потому, что сказала это вслух. При всех. При нём.

Умбрис наверняка услышал. И наверняка понял, о ком речь.

— Ещё слово, — сказала Лавия негромко, но так, что в голосе зазвенел металл, — и я забуду, что это учебный бой.

Илва усмехнулась — медленно, с видимым удовольствием.

— Смотри-ка. Клыки есть не только у твоего питомца.

В этот раз она пошла хитрее.

Ложный выпад в плечо, быстрый шаг вбок, резкий уход вниз — к ногам. Лавия едва успела сместиться. Дерево свистнуло у самой лодыжки, едва не задев. Илва развернулась, уже перенося вес на вторую атаку, и в этот момент Лавия увидела брешь.

Слишком открытый корпус. Слишком сильный, злой заход. Слишком много ярости и слишком мало расчёта.

Она шагнула навстречу, поймала движение Илвы, резко подбила её бедром и рванула на себя. Илва с глухим, тяжёлым ударом рухнула на песок. Нож вылетел из руки и покатился в сторону.

Лавия нависла над ней, тяжело дыша. Кончик деревянного клинка снова замер у горла противницы — на этот раз чуть ближе, чем в первый раз.

— Убита, — повторила она.

Голос прозвучал иначе. Жёстче. Усталее. В нём уже не было ни торжества, ни злости — только усталость и какая-то тяжёлая, почти взрослая безжалостность.

Илва лежала на спине, шурясь от унижения. Она смотрела на Лавию снизу вверх так, будто выжигала её лицо в памяти. В глазах плескалась смесь злости, стыда и чего-то ещё — почти животного.

— Встать, — бросил Рейк.

Лавия выпрямилась и отошла на шаг. Только сейчас она почувствовала, как сильно напряжены плечи и как скрипят от сжатия зубы. В висках стучало. В груди — пустота.

Тишина вокруг была уже не той, что встретила их при входе.

Теперь в ней появилась новая нота. Осторожность. Почти уважительный страх.

Кто-то смотрел на Лавию с уважением — открыто, без притворства. Кто-то — с раздражением, будто она нарушила какой-то невидимый порядок. Кто-то — с чистой, открытой

ненавистью.

Она подняла взгляд.

Малик смотрел прямо на неё.

Он больше не улыбался. Но в его глазах было то, от чего у Лавии вдруг перехватило дыхание: признание. Не жалость. Не осуждение. Просто тихое, взрослое понимание. Он видел, кем она стала. Видел, через что ей пришлось пройти. И, кажется, не отвернулся от этого. Наоборот — в его взгляде мелькнуло что-то похожее на гордость? Или просто принятие?

Потом её взгляд нашёл Умбриса.

Он смотрел на неё так, будто впервые увидел по-настоящему.

С восторгом. С испугом. С детским, почти беспомощным потрясением. Глаза были широко открыты, губы чуть приоткрыты. Он даже слегка наклонился вперёд, будто невольно потянулся к ней.

Будто только сейчас понял, что «сестрёнка», которая каждое утро поправляла ему воротник, будила, тихо ругала за неуклюжесть и иногда позволяла спать рядом, когда ему было страшно, — на самом деле умеет быть опасной. По-настоящему опасной.

И Лавия вдруг поняла, что этот взгляд ранит её сильнее любой чужой ненависти.

Потому что в нём не было страха перед дочерью павшего бога. Не было презрения к пленнице. Не было расчёта и

скрытой злобы.

Только доверие.

Чистое, детское, безоговорочное доверие.

А она до сих пор не знала, что с ним делать.

Глава 2

Умбрис остался один на опустевшей тренировочной площадке.

Воздух всё ещё хранил призраки чужих смешков и тяжёлой, унижительной тишины. Они звенели в ушах, будто насекомые, которых никак не отогнать. Он стоял перед потрёпанным деревянным манекеном и бил. Бил изо всех сил, вкладывая в каждый удар всю ярость, всю боль, весь стыд, который скопился внутри за этот день. Кулаки уже онемели, но он не останавливался. Дерево глухо стонало под ударами, будто тоже устало от его отчаяния.

Глаза застлала влажная пелена. Внутри всё горело — не яростью, а чем-то более тяжёлым. Обидой. Такой, от которой хочется свернуться и исчезнуть.

Он так долго ждал этого дня. Репетировал речь у зеркала, представлял, как наконец-то станет своим среди других детей. Как они увидят в нём не сына Анубиса, а просто мальчика. А всё обернулось ещё одним доказательством того, что он здесь чужой. Всегда чужой.

— Умбрис, на позицию!

Голос Рейка прозвучал резко, как удар плетью. Он отозвался в висках назойливым эхом. Умбрис вздрогнул и резко обернулся. Сердце ёкнуло, когда инструктор кивнул в сторону высокого подростка, уже стоявшего в центре круга.

Иртаз.

Самый рослый из всех. На две головы выше Умбриса. Широкие плечи, крепкие мышцы, выступающие под кожей. На лице — спокойная, почти скучающая усмешка. Будто он уже знал, чем всё закончится.

— Ты — полубог, — безразлично бросил Рейк, глядя на Умбриса. — Поэтому и противник должен быть достойным. Покажи, на что способна твоя кровь.

Это прозвучало не как поощрение. Скорее как приговор. И началось не сражение. Началось избиение.

Первый же удар Иртаза Умбрис едва успел подставить блоком. Сила была такой, что его отбросило на несколько шагов. Острая боль пронзила предплечье до самого плеча. Он попытался контратаковать, но его движения были слишком быстрыми, слишком отчаянными — и слишком детскими. Иртаз легко уворачивался, будто играл. А потом начал отвечать.

Удар в бок — тяжёлый, глухой. Воздух мгновенно вышибло из лёгких. Умбрис согнулся. Ещё один — в плечо. Подсечка — и он рухнул на колени. Песок забился в рот, смешался со слюной и кровью из расколотой губы. Горький. Безжалостный. Как все взгляды, которые он чувствовал на себе.

Он был всего лишь мальчиком. Маленьким, слабым, неуклюжим. А Иртаз — тренированным, сильным, взрослым. И никакая «божественная кровь» ничего не меняла. Она не защитила его. Не дала силы. Не сделала его равным.

Умбрис пытался подняться, но ноги дрожали. В груди горело. В глазах снова защипало. Он слышал, как кто-то из наблюдателей тихо хмыкнул. И это было хуже любого удара.

Еще пару минут он колотил по манекену, пока ярость не выдохлась, оставив после себя пустоту. Но вместо привычной тьмы его накрыло что-то другое — волна беззащитности и тоски, такая сильная, что ноги подогнулись. С громким, сдавленным всхлипом Умбрис рухнул на колени. Плечи тряслись. В груди было тесно, будто кто-то сжал её железным обручем.

И тогда пришло.

Сначала — тепло. Не жаркое, а мягкое, почти живое, разливающееся изнутри, словно что-то давно запертое наконец-то начало оттаивать. Тело сжалось, стало меньше, легче, будто сбросило с себя тяжёлую, чужую оболочку. Кости мягко сдвинулись, мышцы перестроились, кожа покрылась короткой, бархатистой шерстью тёплого угольно-чёрного цвета. Руки и ноги стали лапами — маленькими, цепкими, с тёмными мягкими подушечками. Из копчика вырос пушистый хвост, который тут же встрепенулся, будто сам радовался освобождению. На макушке появились чуткие треугольные ушки, которые тут же повернулись, ловя каждый звук.

Из горла вырвался тонкий, протяжный вой — не рык, не крик боли, а звук чистого, почти детского облегчения.

Впервые его истинная природа вырвалась наружу не как уродство и не как проклятие. А как нечто естественное. Тро-

гательное. Живое. Он сидел посреди огромной пустой арены маленьким чёрным волчонком и тихо скулил, потирая лапкой мокрую от слёз мордочку. Слёзы всё ещё текли, но теперь они были другими — не только от боли, но и от странного, горького облегчения.

Он был собой. По-настоящему собой. И это не пугало. Это отпускало.

Вдруг он вскочил на лапы. Тело само рванулось вперёд, ведомое инстинктом, который больше не нужно было сдерживать. Он помчался с невероятной скоростью, оставляя за собой лишь лёгкий порыв ветра. Лапы почти не касались песка. Он бежал, не разбирая дороги, желая лишь одного — унести прочь от этих стен, от этих взглядов, от этой боли, которая жгла сильнее любого удара.

Ветер бил в мордочку, взъерошивая мягкую шерсть и свистя в больших, чутких ушах. Сознание было странным, но удивительно цельным. На поверхности бурлили инстинкты — беги, прячься, дыши, — но глубже, в самой сердцевине, оставался ясный, трезвый луч разума. Это был не хаос. Это был союз. Две его сущности, человеческий разум и звериная душа, наконец-то работали вместе, а не тянули в разные стороны. И впервые за долгое время Умбрис не чувствовал себя разорванным.

Он был уверен, что никто не видел его в этой форме. Так он думал.

Его превращение никогда не было тюрьмой. Он всегда мог

вернуться в человеческий облик — стянуть его на себя, как старую, слишком тесную одежду. Но сегодня эта маска давила невыносимо. Он был не человеком. Он был сыном духа и бога. И сегодня, впервые в жизни, он позволил себе быть именно этим — без стыда, без страха, без необходимости прятаться.

И он бежал.

Прочь от лжи. Прочь от боли. Прочь от всех тех, кто видел в нём только сына Анубиса. Оставляя за собой лишь шёпот ветра в шерсти и тихое, почти счастливое осознание того, что теперь его истинное «я» уже невозможно спрятать обратно.

Он не стал брать стену штурмом. Это было бы слишком грубо и заметно. Вместо этого его маленькое тело просто оттолкнулось. словно невидимая пружина, живущая внутри мышц, сама отправила его вверх. Острые коготки мгновенно нашли опору в едва заметных трещинах и выбоинах камня — тех самых, которых почти никто никогда не замечал. Он не карабкался. Он **бежал** вверх.

Легкий толчок всеми четырьмя лапами — короткий полёт — цепкая хватка — и снова толчок. Тело работало как единый, идеально слаженный механизм. Пушистый хвост слегка подрагивал, помогая удерживать равновесие. Камень под лапами был шершавым и прохладным. Умбрис не думал о высоте. Не строил маршрут. Он просто **знал**, куда ставить лапу. Движения получались удивительно лёгкими и изящными

— будто он танцевал по вертикальной поверхности.

И вот он уже наверху.

На мгновение Умбрис замер на каменном гребне стены. Его маленький силуэт чётко вырисовался на фоне тёмного неба — одинокая чёрная точка, покинувшая свою клетку. Сердце стучало быстро, но уже не от страха. От чего-то другого. От предвкушения.

Лёгкий толчок — и он бесшумно исчез по ту сторону стены.

Сегодня был его первый побег.

С вершины он увидел совсем другой мир.

Город не спал. Он медленно просыпался к ночи. Тысячи огоньков теплились внизу, словно кто-то рассыпал по улицам живые звёзды. Фонари отбрасывали мягкие золотистые круги света на мостовые. В окнах домов горел тёплый, уютный свет — жёлтый, домашний, такой, какого Умбрис почти никогда не видел из своей комнаты. До него доносились звуки: далёкий стук колёс повозки, приглушённый смех, обрывки музыки, голоса торговцев, ещё не закрывших лавки. Живая, настоящая жизнь. Не приглушённая толстыми стенами резиденции, а настоящая.

Воздух был густым и насыщенным. Он нес в себе запахи свежего хлеба, специй, жареного мяса, пыли, речной сырости и чего-то сладковатого — возможно, фруктов с ночного рынка. Умбрис сидел на холодном камне, поджав лапки, и его большие уши беспрестанно двигались, ловя каждый звук.

Впервые за очень долгое время внутри стало тихо. Не пусто. А именно тихо. Спокойно.

Здесь, в своём настоящем облике, он был невидимкой. Призраком. Никто не знал, кто он. Никто не смотрел на него с ненавистью или страхом. Он просто был. И на мгновение ему показалось, что где-то там, среди этих огней и запахов, для него тоже может найтись место. Не как для сына Анубиса. А просто для него.

И вдруг — вой.

Протяжный, тоскливый, полный дикой тоски и ярости. Он отозвался где-то глубоко в груди Умбриса, будто коснулся самой его сути. Без единой мысли он сорвался с места. Лапы почти не касались черепицы. Он нёсся тенью между дымоходов и острых шпилей, ведомый только этим звуком и странным, инстинктивным желанием — **найти**.

Несколько минут стремительного бега — и он уже был там.

Умбрис замер в густой тени, принюхиваясь. Воздух здесь был другим — тяжёлым, пропитанным страхом, злостью и чем-то металлическим. Он узнал запах. Это был тот самый рыжеволосый мальчишка с тренировки. Тот, что смотрел на него с такой открытой ненавистью. Но сейчас в запахе не было ни капли уверенности. Только страх. И ярость. И отчаяние.

В крепком деревянном вольере, прутья которого были исцарапаны до крови, метался оранжевый волчонок. Шерсть

стояла дыбом. Глаза горели неосознанной, животной дикостью. Он не контролировал себя. Луна полностью взяла верх, и внутри него бушевала вторая душа — дикая, неукротимая, запертая.

Это был дух-оборотень. Не такой, как Умбрис. У этого существа внутри словно жили две отдельные души, связанные лишь обрывками воспоминаний: одна — днём, другая — дикая, лунная — ночью. Умбрис много читал о таких духах, пытаясь понять природу своей матери. Он знал, что такие оборотни часто становились изгоями даже среди своих — разорванные, несчастные, никогда не чувствовавшие себя целыми.

И теперь этот запертый зверь — его полная противоположность — смотрел на него горящим, совершенно нечеловеческим взглядом. В нём не было ничего, кроме страха и ярости.

И вдруг в голове Умбриса прозвучал голос — хриплый, рычащий, в котором детский испуг боролся с дикой угрозой:

– Кто ты?! Я тебя не знаю! Убирrrrrрайся! Иначе я выйду и тебя съем!

Умбрис тихо фыркнул. В его мыслях послышались смешливые, почти озорные нотки:

– О, не ешь меня, великий Рыжик. Я пришёл с миром. Просто услышал твою песню и она показалась мне знакомой. Позволь мне тебя освободить, и мы вместе сбежим отсюда. Я вижу — ты хочешь свободы.

Рыжий волчонок на мгновение замер. В его глазах мелькнула растерянность, а потом — робкая, почти отчаянная надежда.

— Отец убьёт меня, если узнает, — прорычал он, но голос уже дрожал. — Покусает сильно

— Так мы ему и не расскажем, — уверенно ответил Умбрис.

Одним лёгким прыжком он перемахнул через ограждение. Подошёл к тяжёлому железному замку и одним ударом полубожественной лапы сорвал его. Металл с громким лязгом отлетел в сторону.

Рыжик осторожно выбрался наружу. Сразу же подбежал к Умбрису и принялся тщательно обнюхивать его, тыкаясь мокрым носом в шерсть.

— Хоррррошо, Черрррыш — пробурчал он нерешительно. — Но только ненадолго! Я не узнаю твоего запаха Ты не из нашего клана?

— Нет, — спокойно ответил Умбрис. — Я вольный волк. Хожу, где хочу, и делаю, что хочу.

В глазах Рыжика вспыхнула яркая, почти детская зависть, смешанная с восхищением. Он больше ничего не сказал. Просто встал рядом.

Без лишних слов две пушистые тени растворились в ночной темноте, бесшумно покидая ненавистное поместье.

Они мчались по спящему городу.

Угольно-чёрная и огненно-рыжая тень. Их лапы отбивали

по мостовой быстрый, весёлый ритм. Они летели мимо ночных патрулей так стремительно, что стражники лишь недоумённо оборачивались, списывая всё на ветер и лунные блики.

— А давай до старой колокольни? — в мыслях Рыжика прозвучал азарт. — Кто проиграет — тот ловит летучую мышь зубами!

— Ты просто хочешь, чтобы я опозорился, — усмехнулся Умбрис, ускоряясь.

— Догадливый! Не то что некоторые...

Рыжик резко вильнул влево, нырнул под низкую арку и вылетел на узкий карниз. Умбрис — за ним, едва не задев хвостом край водосточной трубы.

— Нечестно! — возмутился он. — Ты знал, что здесь проход!

— А ты не знал. Значит, я умнее. И быстрее!

— Быстрее? Смотри.

Умбрис оттолкнулся с такой силой, что на мгновение ему показалось — он летит.

Не бежит. Не прыгает. Именно летит.

Ветер бил в мордочку, свистел в ушах, а где-то позади раздалось восторженное:

— Ничего себе!..

Он приземлился на колокольне первым. На целых три удара сердца раньше Рыжика.

— Нечестно! — Рыжик плюхнулся рядом и тяжело зады-

шал. — Ты жульничал.

— Каким образом?

— Не знаю. Но точно жульничал.

— Просто я быстрее.

— Подумаешь.

— Скажи это тому, кто будет ловить мышей.

Рыжик тут же сел.

— А судьи кто?

— Я.

— Тогда протестую.

— Протест отклонён.

— Тирания.

Рыжик демонстративно фыркнул.

— Давай в следующий раз. Тут даже мышей нет.

— Хорошо.

— Что, вот так просто согласился?

— Конечно.

— Подозрительно.

— Я уже начал бояться, что ты действительно полезешь их ловить.

Рыжик несколько секунд смотрел на него, а потом оба расхохотались.

Они лежали на тёплом камне, поджав лапы.

Ночной Тарбис раскинулся вниз — чёрный, мерцающий редкими огнями. Луна висела низко, почти касаясь шпиля соседней башни.

— Слушай, Рыжик.

— М?

— А ты когда-нибудь был на другой стороне города? За старым мостом?

Рыжик задумался.

— Нет. Отец говорит, там опасно. Бродяги. Крысы. И повстанцы.

— Повстанцы — это враки.

— А ты откуда знаешь?

— Потому что если бы они там были, их давно нашёл бы наместник и уничтожил.

Рыжик удивлённо поднял голову.

Уши настороженно дёрнулись.

— Ты знаешь наместника?

Умбрис почувствовал неприятный укол. Слишком близко.

Ещё немного — и он сказал бы лишнее.

— Нет, — быстро ответил он. — Просто много о нём слышал.

Рыжик ещё пару секунд смотрел на него, но потом пожал плечами.

— Наверное, он очень опасный.

— Наверное.

Умбрис поспешил сменить тему.

Он вскочил на лапы, отряхнулся и посмотрел на друга с вызовом.

— Пойдём туда и посмотрим. Если не боишься.

Рыжик подпрыгнул так резко, словно его ужалили.

— Я ничего не боюсь!

— Конечно-конечно.

— Правда!

— Тогда пошли.

— Но если там окажется скучно, ты будешь ловить мышей до самого утра.

— Идёт.

Они сорвались с места одновременно. Промчались по крышам. Перепрыгнули узкий переулок. Скатились по старой черепице. А потом пересекли старый мост, где камни ещё помнили ту, прежнюю войну.

Здесь город пах иначе. Сырым деревом. Дикими травами. Речной водой. И чем-то ещё. Чем-то незнакомым.

Оба волчонка одновременно замедлили шаг. И переглянулись.

Они перешли мост, и город изменился.

Сразу. Без предупреждения.

Здесь не было фонарей. Не было уютных жёлтых окон. Только редкие масляные лампы — тусклые, коптящие, развешанные на перекрёстках, словно кто-то пожалел денег на нормальный свет. Дома стояли вплотную друг к другу, наклонённые, будто устали держать свои крыши. Местами стены подпирали брёвна — кое-как, на живую нитку.

Воздух стал гуще. Тяжелее.

Пахло сыростью, гнилым деревом, кислым пивом и ещё чем-то, от чего уши Рыжика прижались к голове.

— Это место... — прошептал он, хотя рядом никого не было, — оно не любит чужих.

— А ты откуда знаешь?

— Чувствую.

Они шли медленнее. Лапы ступали бесшумно, но даже тишина здесь казалась громкой.

Где-то впереди звякнула цепь. Потом хлопнула дверь. Потом — короткий, обрывистый смех, который мог быть и смехом, и кашлем, и чьим-то всхлипом.

Умбрис заметил их первым.

Трое. Люди. Сидели у костра, разведённого прямо на мостовой, в старом железном баке. Грубые лица, небритые. Куртки нараспашку, хотя ночь была холодной. Один держал бутылку, второй — нож, которым ковырял в зубах. Третий просто сидел и смотрел в огонь.

Безразлично. Спокойно.

Но Умбрис знал этот взгляд. Таким взглядом смотрят те, кому терять нечего.

— Обходим, — мысленно сказал он.

— Даже не сомневался, — ответил Рыжик.

Они нырнули в переулок. Узкий, грязный, с лужами, которые не высохали даже летом. Стены по бокам были исписаны. Не буквами — символами. Метки. Знаки. Чёрные черепа, перечёркнутые глаза, какие-то руны, которые Умбрис

не узнал.

— Это территория, — тихо сказал Рыжик. — Чья-то земля. Они метят стены, чтобы другие знали: не лезь.

— Откуда ты знаешь?

— Волки то же самое делают, только мочой.

Умбрис фыркнул.

— Технично.

Они прошли мимо заколоченного окна, за которым кто-то тихо пел. Старушечий голос, монотонный, какой-то неживой.

— Я не трус, — сказал вдруг Рыжик.

— Я и не говорил.

— Но здесь мне не нравится.

— Мне тоже.

— Тогда зачем мы сюда пришли?

Умбрис хотел ответить что-то вроде «просто так», но вместо этого сказал правду:

— Хотел узнать, каково это.

— Быть в месте, где тебя могут убить?

— Нет. Быть там, где все равны. Я слышал рассказы про эту часть города. Вот и стало интересно.

Рыжик замолчал. Долго шёл рядом, не произнося ни слова. А потом вдруг сказал:

— Ты странный, Черныш.

— Знаю.

— Но я начинаю понимать, о чём ты.

Умбрис не успел ответить. Впереди, в конце переулка, кто-то зажёл свет. Они замерли одновременно.

Дверь. Обычная, деревянная, оббитая железом. Но из щелей между досками бил свет. Яркий, ровный, неестественно белый. И от туда вкусно запахло едой. Странной. Такой он некогда не пробовал. И люди там говорили на другом языке.

— Это... Странники — начал Рыжик.

— Я не знаю кто это, — перебил Умбрис. — Но я хочу узнать.

Он сделал шаг вперёд, но Рыжик вдруг вцепился зубами ему в хвост.

— Не смей! — прорычал он в мыслях. — Это опасно нам туда нельзя.

— Почему? Я вольный волк. Хожу куда вздумается.

— Потому что если нас поймают быть беде.

Умбрис посмотрел на дверь. Потом на Рыжика.

— Ладно, — сказал он. — Но я запомню это место.

— Запоминай.. А сейчас пошли.

Глава 3

Вот и настал тот день, которого Лавия ждала с замиранием сердца и ледяной тяжестью на душе. Сегодня им предстояло отправиться в Военную Академию — место, где она должна была вернуться в свой аристократический круг, но уже не как его привилегированная представительница, а как заложница и напоминание о былой милости победителей.

Эта академия, новая, пахнувшая краской и холодным камнем, была основана наместником Терном на руинах прежней, что пала в огне и крови. Лавия на мгновение закрыла глаза, и память накрыла её волной ужаса: оглушительные крики, скрежет стали, пожирающее пламя и бездыханные тела её отца, усыпавшие мрамор пола. Она с силой сжала веки, прогоняя кошмар.

Подойдя к зеркалу, она встретила взгляд бледной девушки с слишком большими глазами. Быстрым движением ладони она смахнула предательскую слезу, заставив себя сделать глубокий вдох. Пальцы привычно поправили прядь волос, скрывая дрожь. «Ты — дочь Рейвела. Ты должна выжить», — прошептала она собственному отражению, надевая маску безразличия, как доспехи.

Сделав последний, обретающий уверенность вдох, она вышла во внутренний двор, чтобы ждать своего «братца». Воздух утра был свеж, но для Лавии он был густым и тяжёлым,

как воспоминание о дыме.

Умбрис не был настроен столь же воодушевлённо, как Лавия. В его памяти всё ещё горели их взгляды — острые, как отточенные клинки, и пропитанные немой ненавистью. Он чувствовал жгучий стыд от того провала, от той унижительной тишины, что стала ему ответом.

Но выбора у него не было. Этот путь был предначертан ему с самого рождения. «Я будущий император и бог этих земель», — твердил он себе, заставляя поверить в это.

Он сжал кулаки, ощущая, как по телу разливается знакомое напряжение. Нет, он не позволит себе упасть в грязь лицом снова. Он войдёт в эти ворота с высоко поднятой головой, даже если внутри всё будет сжиматься от страха. Он заставит их если не принять, то хотя бы признать его. Он должен.

– Привет, сестрёнка. Он попытался улыбнуться, но улыбка вышла натянутой, неестественной, будто маской, и это было заметно невооружённым глазом.

– Доброе утро... Что с тобой, Умбрис? Ты на себя не похож. Лавия с беспокойством взглянула на него.

– Ничего, – только и буркнул он в ответ, решительно направляясь к карете, ожидавшей их у подножия парадной лестницы.

Их транспорт был куском ночи, поставленным на колёса. Глубокий, поглощающий свет чёрный лак, тяжёлые, лишённые украшений стальные панели. Дверцу венчал герб правя-

щей династии – Весы Равновесия, где изящное перо и грозный меч были отлиты из тусклого серебра, выглядевшего на угольном фоне особенно холодно и неумолимо. Даже стёкла были затемнены, скрывая тех, кто внутри, от посторонних глаз. Это был не просто экипаж, а передвижная крепость и символ власти – строгий, безрадостный и подавляющий. Умбрис потянул за ручку массивной двери, и она отворилась с тихим, но властным щелчком, будто приглашая их занять свои места в этом каменном коконе.

Не переживай Умбрис. - Лавия принялась успокаивать его. - Я помогу и прикрою вслучае чего

– Обещаешь? – в его голосе прозвучала редкая, почти детская уязвимость.

– Конечно. Не расстраивайся. Лавия постаралась сделать свой голос как можно более твёрдым и обнадеживающим.

Вскоре карета, мерно покачиваясь, начала замедлять ход, и в окне показалась их цель. Академия.

Она не просто стояла на земле – она владела ею. Главное здание вздымалось к небу подобно неприступной цитадели, высеченной из цельной скалы и чёрного базальта. Его стены, лишённые каких-либо украшений, кроме строгих вертикальных пилястров, уходили ввысь на сотни футов, завершаясь острыми, зубчатыми шпилями, которые словно царапали низкие облака. Гигантские арки ворот, достаточных для прохода великана, были отлиты из тёмной бронзы и украшены все теми же Весами – на этот раз размером с боевую колес-

ницу. По обе стороны от центрального фасада расходились бесконечные крылья с рядами одинаковых узких окон-бойниц, отчего здание напоминало не место учёбы, а гигантский штрафной батальон, застывший в ожидании своего часа. От него веяло не знанием, но холодным, неумолимым порядком и подавляющей мощью.

Экипаж с глухим стуком колёс по брусчатке медленно проехал под исполинской аркой ворот и остановился у главного входа, где уже кипела жизнь. Площадь перед громадой академии была заполнена людьми — аристократы, офицеры, слуги и сотни новых курсантов, образующие шумный, пестрый муравейник.

Как только дверца кареты отворилась и они вышли, пространство вокруг них будто на мгновение замерло. Десятки, а затем и сотни взглядов устремились в их сторону. Шёпот, подобный змеиному шипению, пополз по толпе. В нём не было ни любопытства, ни приветствия — лишь тяжёлое, давящее внимание, в котором смешались страх, ненависть и подострастие. Они стали живым спектаклем, центром всеобщего молчаливого суда ещё до того, как сделали первый шаг к дверям.

«Сын убийцы...» «Узурпатор...» «Палач...»

Эти слова и ещё десятки других, таких же ядовитых, долетали до него сквозь гул толпы. Его чуткий, полузвериный слух, превосходящий человеческий, улавливал каждый шёпот, каждый сдавленный смешок, каждый вздох, полный

ненависти. Фразы впивались в сознание, словно раскалённые иглы. Каждое обвинение, брошенное в спину его отцу, он ощущал как личное.

Он шёл, глядя прямо перед собой, сжимая рукоять тренировочного кинжала так, что костяшки пальцев побелели. Маска безразличия, которую он с таким трудом надел, дала трещину. Губы плотно сжались, а в глазах, обычно скрывавших эмоции, вспыхнула ярость — дикая, животная, унаследованная от Анубиса. Но вместе с ней — и глубокая, всепоглощающая боль. Он был всего лишь мальчиком, вынужденным нести на своих плечах тяжесть чужих грехов и всеобщей ненависти.

И тут он почувствовал её руку. Лавия, не говоря ни слова, аккуратно взяла его за локоть — нежно, но уверенно. Её прикосновение было якорем в бушующем море чужих взглядов и шёпотов.

И ему стало легче. Напряжение в плечах чуть спало, а ярость в сердце, встревоженная и дикая, отступила, уступая место хрупкому спокойствию. Она не произнесла ни слова защиты, не бросила вызов толпе. Но этот простой жест говорил громче любых речей: «Ты не один. Я с тобой».

Он сделал глубокий вдох, выпрямил спину и шагнул вперёд, уже не как одинокая мишень, а как часть маленького, но непоколебимого союза.

Они вошли в главный зал, и, казалось, сама архитектура призвана была подавить волю. Люди понемногу свыклись с

его присутствием и вернулись к своим делам, стараясь держать от него почтительную, но отчуждённую дистанцию.

Зал был подобен тронному залу забытого исполинами замка. Огромный, он уходил ввысь на добрых пять этажей, где под самым сводом висели гигантские знамёна с символикой Весов. Стены из отполированного до зеркального блеска чёрного камня отражали тусклый свет, падающий из высоких, узких витражей. Те были собраны не из разноцветных стёкол, а из тысяч пластин дымчатого кварца и чёрного обсидиана, отчего солнечные лучи преломлялись в них, отбрасывая на пол и людей мрачные, похожие на призраков блики.

В центре зала на полу был выложен огромный мозаичный герб империи — те же Весы, но на этот раз чаши были настоящими: одна из литого серебра, другая — из тёмной стали. По периметру стояли статуи не богов или героев, а первых военачальников Анубиса — их застывшие в граните и бронзе фигуры с холодными глазами без зрачков зорко следили за каждым входящим. Воздух был холодным и неподвижным, и даже шёпот здесь звучал как святотатство, теряясь в гнетущей, давящей тишине.

Внезапно гул голосов в зале стих, сменившись напряжённой тишиной. Все взгляды устремились к массивной лестнице из черного мрамора, где появилась высокая и сухая фигура. Начальник военной академии, лорд Самэр, не вышел — он возник, словно тень, отделившаяся от самой стены.

Его мундир был безупречно черным и строгим, без еди-

ной лишней детали, а воротник-стойка подчеркивал бледное, аскетичное лицо с глазами, холодными, как сталь. Каждое его движение было экономным и точным, словно движение отточенного клинка. Он занял позицию на возвышении, и его пронзительный взгляд, казалось, замер на Умбрисе на долю секунды дольше, чем на остальных, прежде чем он начал свою речь, голосом, металлическим и безжизненным, не оставляющим места для возражений.

Лорд Самэр: Его голос был , резкий и отточенный, как клинок, рассек тишину, не оставляя места для возражений

Добро пожаловать в Военную академию Империи Нейн. Забудьте титулы, которые вы носили снаружи. Здесь вы — никто. Пыль, которую нам предстоит выковать в сталь.

Он делает паузу, его взгляд медленно скользит по залу, выискивая малейшие признаки слабости

Ваши предки могли править королевствами или пасти скот. Это не имеет значения. Сила империи — в дисциплине. В порядке. В готовности подчинить личную волю — воле Анубиса. Здесь вы познаете истинную суть силы. Не ту, что даруется кровью, а ту, что добывается потом, болью и беспрекословным повиновением.

Его глаза снова на мгновение останавливаются на Умбрисе

Здесь нет принцев или принцесс. Есть только будущие офицеры имперской армии. И есть те, кто не доживет до выпуска. Выбор за вами. Принесите славу империи или умрите

в безвестности. Учеба начинается в четвертом часу. Опоздавших ждёт наказание. Всем разойтись.

Вскоре Умбрис нашёл свой учебный класс и уже на пороге замер, как вкопанный. Его ноздри дрогнули, уловив знакомый аромат — смесь солнца, сосновой хвои и чего-то дикого, неукрощённого. Рыжик. Он был здесь.

Сердце Умбриса учащённо забилося от предвкушения. Он рванулся вперёд, его взгляд метнулся по комнате и сразу же нашёл того самого рыжеволосого мальчишку. На лице Умбриса уже начала складываться робкая улыбка, он сделал шаг в его направлении... но застыл на месте.

Рыжик стоял в центре оживлённой группы юных аристократов, его поза была расслабленной и уверенной. И он смотрел. Смотрел прямо на Умбриса. Но в его глазах не было и намёка на узнавание, на ту тайную радость, что связывала их лунными ночами. Взгляд был холодным, отстраненным и исполненным высокомерия, словно Умбрис был всего лишь очередным пятном на стене, недостойным его внимания.

Один из его новых приятелей что-то сказал, и Рыжик медленно отвел взгляд, повернувшись к ним спиной, всем своим видом показывая, что не знаком с этим одиноким мальчиком у входа.

В горле у него встал ком. Ночной волчонок, его единственный друг, исчез. Его место занял этот... незнакомец в маске аристократа.

и хотя Умбрис знал, что в человеческом облике Рыжик

его не узнает, осознание этого не делало обиду меньше.

Умбрис занял место за свободной партой в конце первого ряда, в той самой естественной нише изгнанника, что образуется в любом коллективе. Спустя полчаса на него перестали бросать украдкой взгляды – видимо, ко всему действительно привыкаешь, даже к ходячему напоминанию о падении старого мира. Однако стена отчуждения никуда не делась: дышать вокруг него становилось легче, но разговаривать с ним по-прежнему никто не торопился. Он сидел в своем вакууме, ощущая его физически – как тишину, густую и звенящую, среди общего гулкого говора.

Внезапно дверь в класс распахнулась с такой точностью, будто ее движение отмерили циркулем. Войдя, он не просто переступил порог – он заполнил собой пространство. Это был мужчина в идеально сидящем мундире цвета стального дыма, с лицом, высеченным из гранита многолетней муштрой. Его взгляд, холодный и обезличенный, как прицел, медленным лучом прошелся по рядам, выхватывая и фиксируя каждого.

– Встать! – прозвучало приказным тоном, в котором не было ни капли лишних эмоций, только сталь.

Скамьи заскрежетали, подчиняясь единому порыву. Класс замер по стойке «смирно», став частью безмолвного ритуала.

– Я – капитан Пенн. Отныне ваш инструктор и преподаватель тактики. Забудьте всё, что вы знали о себе. Здесь вы –

винтики будущей военной машины Империи. И для начала, – его голос был ровным, как поверхность отполированной брони, – пусть каждый встанет и представится. Фамилия, титул, дом. Начнем справа.

Один за другим, поднимались юные аристократы, отекая нивая свои имена, звучащие как перезвон древних фамильных колоколов. Умбрис слушал, почти не дыша, пока очередь не подкатилась к тому, чье присутствие он чувствовал спиной – жгучему пятну на своем одиночестве.

Рыжий волчонок поднялся с небрежной, почти вызывающей грацией, которую не могла скрыть даже строгая форма.

– Геррар, – прозвучало уверенно и звонко. – Сын Герцога Ровильского.

Имя повисло в воздухе, обретая плоть и вес. Геррар. Так вот как тебя зовут Умбрис мысленно пробрался сквозь лабиринты своей памяти, к тому самому роскошному особняку за высокими стенами, мимо которого они пролетали в лунные ночи. Он догадывался, что его ночной друг принадлежит к высшей аристократии, но теперь догадка сменилась холодной, неоспоримой уверенностью. Пропасть между ними, оказывалась не просто социальной, а пропастью между небом и землей, между наследником древнего рода и чудовищем, призванным этот род поработить.

Интерлюдия 1

Терн восседал в своем кабинете, чья архитектура, как и всё в этом новом мире, была подчинена строгой диктатуре формы над бессмысленной роскошью. Помещение напоминало не покои правителя, а штаб верховного главнокомандующего в осажденной крепости. Стены из отполированного до мрачного блеска базальта были голы, если не считать исполинского барельефа за спиной наместника — все те же Весы Равновесия, где меч, казалось, вот-вот перевесит изящное перо.

Противоположная стена и была тем самым окном — от пола до самого свода, высотой в добрых десять метров. Но это не было стекло в человеческом понимании. Огромные панели были выточены из единых пластин прозрачного обсидиана, заклеенного магией до алмазной твердости и чистоты. Солнечный свет, проходя сквозь них, терял свое тепло, становясь холодным, почти лунным сиянием, и ложился на массивный рабочий стол правителя. Тот был высечен из черного базальта, того же, что и стены, и более походил на алтарь или плиту для жертвоприношений, нежели на место для бумажной работы. Его поверхность была идеально гладкой, без единого ящичка или украшения — лишь встроленные в камень магические руны, готовые в любой момент проявить нужную информацию.

Напротив него, в неудобном, низком кресле, специально спроектированном, чтобы визитер чувствовал себя ниже правителя, сидел Лаурес. Он отчитывался, и его голос, похожий на шелест переворачиваемых пергаментных страниц, ровно лился в торжественной тишине залы.

Лаурес не был человеком. Высокий и худой, он казался воплощенной тенью, облаченной в строгие, безразмерные одежды архивариуса. Его кожа отливала цветом старой слоновой кости, а на удлинённом лице располагались четыре безблестящих глаза, по два с каждой стороны. Они не моргали и смотрели на Терна не мигая, воспринимая его целиком, со всех сторон одновременно. В одной из своих четырех тонких, многосуставчатых рук он держал свиток с докладом, но не заглядывал в него. Он знал его наизусть, как знал всё, что происходило в его вотчине — от шепота заговорщиков в кабаках до биения сердца полубога в стенах академии.

Лаурес склонил голову, и четыре его глаза ненадолго синхронно опустились к полу в знаке почтения.

— Ваша Светлость, сегодня у принца был первый учебный день. И, несмотря на давление окружения, он держался достойно — что и следовало ожидать от сына великого Анубиса, — его голос-шелест прозвучал почти с религиозным трепетом.

Терн, всем сердцем верный своему богу, мотнул головой, но в его глазах не было одобрения, лишь холодная оценка.

— Что насчёт Северной провинции? Слышал, там опять

волнения.

— Да, Ваша Светлость, — продолжил доклад Лаурес, тонкие пальцы одной из его рук бесшумно постучали по рукояти кресла. — Пока мы выявляем ищем спонсоров и организаторов... я подозреваю, что виновен кто-то из столичной аристократии.

Терн грустно поднялся с кресла и подошёл к исполинскому окну из чёрного обсидиана. Его взгляд скользил по дымным крышам Тарбиса, этого величайшего памятника победе его бога.

— Нужно не думать, Лаурес. Нужны имена и дела. — его голос, низкий и утробный, пророкотал, отражаясь от голых стен. — Как мы будем продолжать экспансию на планете если мы, не можем удержать в узде одну-единственную империю ? Как мы построим мост для его легионов, если в фундаменте такие трещины?

Он резко развернулся, и его тень на мгновение поглотила сидящего архивариуса.

— Значит, так. Во-первых, усиль контроль за Умбрисом. Поручи это Маку. Он почти его ровесник. Сможешь пропихнуть его в академию, но только пусть не привлекает внимание . Пока он — пусть и всеми ненавидимый — официальный кровный наследник. Все эти «Серые Тени» или «Возрожденцы» будут пытаться достать его, а в академии он уязвим, как птенец в гнезде грифа.

Один из четырёх глаз Лауреса дрогнул, выражая немой

вопрос, который он не осмелился задать.

— Но зачем тогда было посылать его туда? — всё же প্রশেলестел он.

Терн ударил кулаком по базальтовой плите стола. Руны на мгновение вспыхнули кровавым светом.

— Потому что он сын Анубиса! Полубогов не прячут, как драгоценность в сундуке. Они — меч и щит будущего нашего пантеона! Пусть или сломается, будучи слабым, или закалится в огне ненависти и станет острее. Но сейчас... сейчас его смерть нам не нужна. Она станет искрой, что подожжёт солону бунта. Мы должны выковать его в орудие, прежде чем бросить в бой. Понятно?

Лаурес склонил голову, все четыре его глаза прикрылись на мгновение.

— Понятно, Ваша Светлость. Маку будет его тенью. А я продолжу охоту на крыс в столице.

Глава 4

Умбрис проснулся за час до рассвета.

Это была старая привычка, которую он ненавидел, но не мог сломать. Тело само поднималось раньше, чем разум успевал вспомнить, кто он и где находится. Несколько секунд он просто лежал на спине, глядя в потолок, — и в эти секунды было почти хорошо. Пусто. Ни страха, ни ожидания.

Потом память возвращалась.

Сегодня — первый полный день в академии.

Он сел на постели и уставился в стену.

Комната была чужой. Казённой. Пахло известкой, деревом и чем-то металлическим — наверное, от новой мебели. Здесь не было ни его книг, ни привычного кресла с продавленным подлокотником, ни старой лампы, которая коптила ровно настолько, чтобы раздражать Лавию. Всё было правильным. Стандартным. Мёртвым.

«Здесь я должен стать тем, кем меня хотят видеть», — подумал он. И сам не поверил.

За завтраком он сел в дальнем углу столовой.

Не потому, что боялся. Просто так было легче видеть всех сразу. Умбрис усвоил это правило ещё в резиденции: если ты сидишь лицом к двери и держишь спину прикрытой, никто не застанет тебя врасплох.

Столовая гудела голосами.

Курсанты разбились на группы — по домам, по землячествам, по интересам. Где-то громко смеялись, где-то обсуждали вчерашний инструктаж, где-то уже спорили о тактике.

Никто не сел к нему.

Даже через три пустых стула.

Умбрис методично жевал кашу, не чувствуя вкуса. Краем глаза он заметил, как двое парней из младшего потока посмотрели в его сторону, переглянулись и отвернулись. Это было даже не презрение. Просто — *не наш*. *Не трогай*. *Мало ли*.

Он допил воду, поднялся и вышел.

Снаружи, в коридоре, уже ждала Лавия. Прислонилась к стене, скрестила руки на груди, смотрела исподлюбья.

— Ты не завтракал, — сказала она.

— Завтракал.

— Ты ковырялся.

— Откуда ты знаешь?

Лавия приподняла бровь.

— Я знаю тебя, Умбрис.

Он промолчал. Она толкнулась плечом к его плечу — жест, который должен был означать поддержку, но вышел слишком жёстким. Почти отчаянным.

— Не позволяй им, — тихо сказала она.

— Позволять что?

— Выживать тебя.

Первая пара была общей тактикой.

Умбрис зашёл в аудиторию одним из первых и сел на третью парту у окна. Не в последний ряд — это было бы трусостью. Не в первый — это было бы вызовом. Третья парта была нейтральной. Местом человека, который не прячется, но и не лезет.

Зал постепенно наполнялся.

Курсанты заходили группами, смотрели, делали вид, что не замечают его. Парта слева осталась пустой. Парта справа — тоже. Спереди сел какой-то толстый парень с бледным лицом и сразу уткнулся в конспект, не оборачиваясь.

Потом вошли они.

Четверо. Старшекурсники. Умбрис узнал одного — вчера этот парень толкнул его плечом в коридоре и извинился с такой интонацией, будто извинение было оскорблением.

Они не сели рядом.

Они сели *вокруг*.

Не прямо. Не демонстративно. Один — через проход, другой — на два ряда сзади, третий — наискосок. Но Умбрис почувствовал это кожей: кольцо.

Он не обернулся. Только сжал челюсть и уставился в доску.

Не реагировать.

Инструктор капитан Пенн вошёл ровно в восемь.

— Сегодня — работа в парах, — сказал он без приветствия. — Отработка захвата.

Умбрис ждал этого. Вчера на построении капитан объявил, что пары будут назначаться не по выбору, а по жребию. Это означало, что никто не сможет отказаться встать с ним рядом.

Его называли четвёртым.

— Умбрис. Партнёр — Кирр.

Сзади кто-то тихо хмыкнул.

Кирр оказался тем самым парнем, который извинялся плечом. Высокий, жилистый, с коротко стриженными рыжеватыми волосами и взглядом, который умел говорить без слов.

Он подошёл к Умбрису, встал напротив и улыбнулся.

— Не бойся, — сказал он почти ласково. — Я аккуратен.

Умбрис ничего не ответил. Принял стойку.

— Начали, — бросил Пенн.

Кирр пошёл в атаку сразу. Не учебную — настоящую. Не захват, а удар в корпус, замаскированный под захват. Умбрис едва успел блокировать, но сила толчка отбросила его на полшага.

— Ой, прости, — Кирр не убрал улыбку. — Перестарался.

Умбрис выдохнул. Снова поднял руки.

В этот раз Кирр действовал жёстче. Ложный заход справа, резкий уход влево, захват запястья — слишком сильный, с заломом. Умбрис почувствовал, как хрустнул сустав, и на секунду в глазах потемнело.

Боль была не страшной. Страшным было желание, кото-

рое тут же вспыхнуло следом: *ударить в ответ. Сильно. Так, чтобы хрустнуло у него.*

Он подавил его.

— Хватит, — сказал капитан Пенн, не повышая голоса.
— Смениться.

Кирр отпустил запястье, отступил на шаг и едва слышно бросил:

— Слабак.

Умбрис посмотрел на свою руку. Запястье покраснело, но двигалось нормально. Он сжал пальцы в кулак и разжал.

Не реагировать.

Перемена длилась пятнадцать минут.

Умбрис вышел во внутренний двор, чтобы глотнуть воздуха. Вода в фонтане была мутной, небо — серым, камни — холодными. Он прислонился к колонне и закрыл глаза.

— Слышали? Сынок шакала сегодня плакал на тактике, — голос звучал откуда-то слева. Специально громко. Чтобы слышали все.

— Да ну? А я слышал, он вообще ни на что не способен. Просто место занимает.

— Кровь-то отцовская есть, а мозгов — нет.

Умбрис открыл глаза.

Их было трое. Те же самые старшекурсники плюс один новый. Они стояли метрах в пяти, делая вид, что обсуждают что-то своё, но каждый следующий «шепот» был громче предыдущего.

Он знал эту технику. Провокация. Если он ударит — накажут его. Если смолчит — запомнят как тряпку.

Он выбрал молчание.

Но внутри что-то сдвинулось.

Тяжёлое, горячее, злое — поднялось откуда-то из глубины, оттуда, где жила не его воля, а воля того, другого. Отца.

Умбрис заставил себя выдохнуть. И ушёл. К концу дня он почти поверил, что справился.

Третья пара прошла без происшествий. На четвёртой его снова поставили в пару — на этот раз с молчаливым парнем, который просто выполнял упражнения и не смотрел в глаза. Умбрис был благодарен даже за это.

Он уже собрался уходить, когда его окликнули.

— Эй, ты.

Обернулся.

В проходе стояла девочка. Маленькая, щуплая, с тёмными косичками и испуганными глазами. Она держала в руках стопку книг и явно торопилась.

— Ты Умбрис, да?

— Да.

— Тебе — она запнулась, покосилась куда-то в сторону и быстро сунула ему в руки сложенный лист. — Тебе это передали.

И убежала.

Умбрис развернул бумагу.

Крупными неровными буквами там было написано:

> *«Сдохни, ублюдок. Твоему отцу здесь не рады. И тебе тоже»*

Он прочитал дважды.

Потом аккуратно сложил лист, сунул в карман и пошёл к выходу.

Не реагировать. Но пальцы дрожали.

Лавия нашла его через час.

Он сидел на подоконнике в дальней галерее, где почти не ходили курсанты. Ноги поджаты, лоб прижат к коленям. Дышал ровно, но слишком часто.

— Умбрис.

Он не поднял головы.

— Умбрис, посмотри на меня.

— Не хочу.

Лавия села рядом. Не спросила, что случилось. Просто положила ладонь ему на затылок — жёстко, как делала когда он был совсем маленьким.

— Рассказывай, — сказала она.

— Нечего рассказывать.

— Врёшь.

Он поднял голову. Глаза были сухими, но красными.

— Почему ты мне помогаешь? — спросил он вдруг.

Лавия не отвела взгляд.

— Потому что мама попросила.

— А ещё?

Она помолчала.

— И потому что ты — не он. Ты мой брат.

Умбрис смотрел на неё несколько секунд. Потом отвернулся к окну.

— А если я стану им? — спросил он тихо.

— Не станешь.

— Откуда ты знаешь?

Лавия взяла его за руку — ту самую, с покрасневшим запястьем — и сжала.

— Не знаю. Но я верю в тебя.

Она приобняла его и они отправились по комнатам.

Ночью он снова сбежал.

Волчонком, через стену, в темноту. Не к Рыжику — сегодня не хотелось ни с кем делить свою боль. Он просто бежал. По крышам, по карнизам, по узким улочкам, где его никто не мог увидеть.

Когти цокали по камню. Хвост стлался следом. Потом он нашел тихое место.

Маленький чёрный волк сидел на самом краю городской стены. Лапы поджаты, уши прижаты, красные глаза смотрели вниз — на редкие огни ночного Тарбиса. Ветер трепал шерсть на загривке. Здесь, в темноте, можно было не притворяться. Можно было просто быть.

Он долго молчал. Потом тихо, почти шёпотом, сказал в пустоту:

— Я не сдохну.

Голос прозвучал хрипло, по-волчьи. Он повторил громче,

уже почти сердито:

— Я не сдохну. Слышите? Я не сдохну.

— Конечно, не сдохнешь, — раздался спокойный голос из тени за спиной. — Я не позволю.

Умбрис резко вскинулся. Шерсть на загривке встала дыбом, когти царапнули камень. Он развернулся одним прыжком, оскалился и зарычал — низко, предупреждающе.

Из темноты вышел парень примерно его возраста. Обычный. Простое лицо, чуть скуластое, тёмные глаза, которые смотрели слишком внимательно. На нём была тёмная одежда без знаков отличия. Руки в карманах. Спокойный. Как будто он каждую ночь разговаривал с разъярёнными волчонками-полубогами.

— А ты кто такой? — прорычал Умбрис, не убирая оскал. Парень пожал плечами.

— Тот, кто из-за тебя сегодня не спит. Вот что тебе не сиделось в общежитии? Там же так уютно: все тебя любят, все хотят с тобой дружить

Умбрис фыркнул. Хвост дёрнулся раздражённо.

— Не могу там больше находиться. А тебе какое дело?

— Прямое, — ответил парень ровно. Сделал ещё шаг. Лунный свет наконец упал ему на лицо. — Теперь я твоя тень. Куда ты — туда и я. Меня зовут Мак.

— Иди куда шёл, Мак, — отрезал Умбрис. — Я не нуждаюсь в няньке.

Мак усмехнулся. Не зло. Скорее устало.

— А я не нуждаюсь в том, чтобы меня потом вешали за то, что ты где-то ночью свернул себе шею. Представляешь, как это будет выглядеть в докладе: «Полубог решил полетать с крыши. Результат — к сожалению, отрицательный». Терн меня за это точно похвалит.

Умбрис на секунду растерялся. Потом фыркнул — уже не так зло.

— Ты всегда такой весёлый?

— Только когда меня посылают следить за мальчишкой, который думает, что может в одиночку перевернуть весь мир, — Мак присел на корточки, чтобы смотреть волчонку в глаза. — Слушай, Черныш. Я не буду тебе врать. Мне сказали охранять тебя. Но я не собираюсь таскать тебя за шкуру обратно в клетку каждую ночь. Потому что, если честно я бы тоже сбежал с такого «дома».

Умбрис смотрел на него несколько долгих секунд. Шерсть медленно опустилась. Он всё ещё был настороже, но злость потихоньку уходила.

— Ты работаешь на Терна, — сказал он тихо.

— Да.

— И ты мне это просто так говоришь?

Мак пожал плечами.

— А что мне скрывать? Ты и так не дурак. Если я буду врать, ты это почувствуешь. А если буду честным может, хоть иногда не будешь смотреть на меня так, будто я пришёл тебя придушить.

Он помолчал, потом добавил уже мягче:

— Сегодня на занятие ты сдерживался. Почему?

Умбрис опустил голову. Хвост слегка шевельнулся.

— Они всё равно меня ненавидят. Я ек хочу, что бы меня боялись еще больше. Да и сила, что у меня есть. Я боюсь ей пользоваться.

— Да, — спокойно согласился Мак. — И будут ненавидеть ещё долго. Но знаешь что? Ненависть — это тоже внимание. А внимание можно использовать. Главное — не дать им превратить тебя в то, чего они боятся. А сила. Со временем ты к ней привыкнешь. - На секунду глаза Мака стали фиолетовые.

- Это, что сейчас было.

- Мой секрет. Может быть когданибудь расскажу. - Закончил мак и поднялся.

— Ладно. Я не буду тебя тащить обратно. Но если ты опять решишь побегать по крышам — хотя бы предупреди. Или возьми с собой кого-нибудь. Например, того рыжего, с которым ты носишься ночами. Он, кажется, тебя хотя бы не хочет убить.

Умбрис дёрнул ушами.

— Ты следил за нами?

— Я же сказал — я твоя тень, — Мак уже отходил в темноту. — Спокойной ночи, Черныш. И не сдохни. Мне правда не хочется заполнять отчёты в три часа ночи.

Он исчез за выступом стены так же тихо, как появился.

Умбрис ещё долго сидел на месте. Потом тихо, почти себе под нос, буркнул:

— Идиот

Но в голосе уже не было злости. Только усталость. И что-то ещё — очень маленькое, почти неуловимое. Тёплое. И вдруг резкий толчок.

— Осторожно!

Мак прыгнул раньше, чем Умбрис успел моргнуть.

Сильные руки схватили его поперёк туловища (в облике волчонка он был небольшим — удобная мишень), прижали к груди, и они оба покатались в сторону по холодному камню. Где-то над ухом чавкнуло — раз, другой.

Арбалетные болты.

Три штуки. Вонзились в то самое место, где Умбрис стоял секунду назад.

Сердце ухнуло куда-то вниз.

— Что это?! Поставь меня на землю!

— Не скули, — Мак уже был на ногах, перехватил Умбриса поудобнее и рванул с места. Голос стал жестче, приказным. — Мы в опасности. Потом поговорим.

Он бежал быстро — нечеловечески быстро для своего возраста. Не по лестницам, а по карнизам, по выступам, туда, где стена сужалась и переходила в крыши.

Умбрис прижался к его груди, чувствуя, как колотится чужое сердце. И не своё — своё тоже бешено стучало где-то в горле.

— Кто они? — крикнул он сквозь ветер.

— Узнаешь, если выживем, — отрезал Мак.

Он резко свернул за трубу и замер, прижимая Умбриса к стене спиной. Прислушался.

Снизу, с лестницы, донёлся слабый скрежет — металл по камню.

Тени сорвались следом.

Несколько.

Быстрых. Целенаправленных.

Мак выдохнул сквозь зубы.

— Держись, Черныш. Сейчас будет весело.

И прыгнул в пустоту.

Умбрис зажмурился — на секунду, чисто инстинктивно. Но падения не последовало. Вместо этого когтистые пальцы (когда он успел выпустить когти?) вцепились в водосточную трубу, и они оба — Мак с волчонком на руках — пронеслись по стене вниз, тормозя короткими рывками.

Приземление было жёстким. Мак перекатился на плечо, не разжимая рук, и вскочил так быстро, будто кости у него были чужие.

— Живой? — спросил он, даже не глядя на Умбриса.

— А ты как думаешь?

— Молчи и слушай.

Они нырнули в узкий проулок. Мак двигался так, словно знал этот район наизусть — каждый выступ, каждый люк, каждую тень, в которую можно вжаться.

Сзади снова скрежетнуло.

Умбрис оглянулся через плечо (в волчьем облике это было легко — шея поворачивалась почти на сто восемьдесят градусов) и увидел их. Четыре тени. Быстрые. Бесшумные. Слишком одинаковые для случайных убийц.

— Кто они? — прошептал он.

— Наёмники, — бросил Мак, не сбавляя шага. — Но не простые. Обрати внимание — бегут строем. Это бывшие военные.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я смотрел досе на всех, кто мог тебя хотеть убить.

Умбрис замолчал. Мак резко свернул в подворотню, пригнулся, пропуская над головой арбалетный болт, и снова рванул вперёд. Впереди показался тупик.

Глухая стена, метра три в высоту. Слева — запертая дверь. Справа — груда ящиков.

— Тупик, — выдохнул Умбрис.

— Для них, — поправил Мак.

Он развернулся, поставил Умбриса на землю и встал перед ним, загораживая собой.

— Превращайся, — бросил он через плечо.

— Что?

— В человеческий облик. Быстро, в нём ты более боеспособен. А мне нужны будут твои руки.

Умбрис хотел спросить зачем, но в горле вдруг пересохло.

Он сжался — привычное усилие, которое сейчас далось тяжелее обычного. Тело ломило, шерсть втягивалась обратно в кожу, хвост исчез. Через несколько секунд на месте чёрного волчонка стоял мальчик в мятой форме курсанта, бо-
сиком, с бешено колотящимся сердцем.

Мак сунул ему в руку кинжал — короткий, лёгкий, идеально сбалансированный.

— Держи. Сможешь им пользоваться?

— Смогу, — Умбрис сжал рукоять. Пальцы не дрожали. Это было важно.

— Хорошо. Тогда стой за мной и не лезь. Если я упаду — бей в горло или в пах. Чисто, без замаха. Понял?

— Понял.

Мак кивнул, выпрямился и шагнул в центр тупика.

Тени не заставили себя ждать.

Они вышли из переулка — четверо. Все в тёмных плащах с глубокими капюшонами. Лиц не разглядеть. Оружие — короткие мечи и арбалеты. Тот, что шёл впереди, опустил арбалет и достал клинок.

— Мальчик, отойди, — сказал он Маку. Голос был низким, спокойным, без угрозы. — Нам нужен только тот, кто за твоей спиной.

— А мне плевать, кто вам нужен, — ответил Мак. Улыбнулся. — Я не отойду.

— Зря.

Напали они не все сразу. Первый пошёл в лоб — быстрая

серия ударов, заточенная на то, чтобы отбросить Мака в сторону и открыть проход к Умбрису.

Но Мак не отступил.

Он двигался странно — не так, как учили в академии. Экономно. Жестоко. Без лишних движений. Блок, подсечка, удар локтем в солнечное сплетение — и первый наёмник осел на колени, не успев даже вскрикнуть.

Второй и третий атаковали одновременно.

Мак ушёл вниз, пропустил лезвие над головой, перекатился и рубанул ногой по голени ближнему. Тот зарычал, но устоял. Второй уже заносил удар, и Умбрис, не думая, выбросил руку вперёд.

Кинжал вошёл в плечо — не смертельно, но больно.

Наёмник дёрнулся, выронил оружие и отшатнулся.

— Я же сказал — не лезь! — рявкнул Мак, но в голосе не было злости. Только напряжение.

Четвёртый — тот, с арбалетом — наконец выстрелил.

Мак успел пригнуться. Болт просвистел над его головой и вонзился в стену в сантиметре от щеки Умбриса.

И в этот момент что-то внутри Умбриса щёлкнуло.

Не ярость. Не страх. Что-то другое. Холодное. Точное. Древнее.

Время замедлилось.

Он видел, как наёмник перезаряжает арбалет. Как Мак пытается дотянуться до него, но его зажали двое оставшихся. Как четвёртый поднимает оружие — и целится уже не в

Мака, а в него.

В Умбриса.

Его тело двинулось само.

Он не бежал — он скользнул, низко, почти по земле. Кинжал всё ещё был в руке, но он не думал о нём. Всё, что имело значение — расстояние. И горло.

Он оказался перед наёмником быстрее, чем тот успел нажать на спуск.

Лезвие кинжала упёрлось в шею — туда, где бьётся жилка.
— Опустит, — сказал Умбрис.

Голос его звучал странно. Чужими интонациями. Не своими.

Наёмник замер.

Мак, расправившись со вторым и третьим (те лежали на земле, корчась от боли), обернулся и застыл.

В тупике повисла тишина.

— Опустит, я сказал, — повторил Умбрис. И арбалет медленно пополз вниз.

Наёмник бросил оружие на землю.

— Кто вас послал? — спросил Мак, подходя ближе. Он тяжело дышал, но голос был ровным.

— Не скажу.

— Скажешь.

— Нет.

Мак вздохнул. Посмотрел на Умбриса.

— Отойди.

Умбрис не сдвинулся с места.

— Ты собираешься его убить?

— Нет. Собираюсь спросить ещё раз. По-другому.

— Он не ответит.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что он уже мёртв, — сказал Умбрис.

И наёмник вдруг обмяк.

Без звука. Без предупреждения. Просто осел на землю, как пустой мешок.

Мак подскочил, схватил его за плечо, перевернул. Глаза наёмника были открыты, но ничего не выражали. Из уголка губ тянулась тонкая струйка крови.

— Яд, — сказал Мак глухо. — Зубы. У него был яд в зубах.

Он поднялся, вытер руки о штаны и посмотрел на остальных. Те двое, что ещё дышали, уже не пытались встать. Только смотрели на своего мёртвого командира и молчали.

— Уходим, — сказал Мак. — Быстро.

Он схватил Умбриса за руку — не спросив разрешения — и потащил за собой.

Они остановились только через двадцать минут, на крыше заброшенного склада.

Мак отпустил его, сел на корточки, упёрся спиной в дымоход и закрыл глаза.

— Ты как? — спросил он.

— В порядке, — ответил Умбрис. И сам удивился, что это

правда.

— Врёшь.

— А ты?

— Я — другое. Я тренированный.

Умбрис смотрел на него несколько секунд, заметил, что Мак держится за ребро. И пальцы у него в крови.

— Ты ранен, — сказал Умбрис.

— Царапина.

— Покажи.

Мак нехотя отнял руку. Под формой проступило тёмное пятно. Небольшое, но глубокое.

— Сядь, — Умбрис шагнул к нему. — Я посмотрю.

— Ты врач?

— Нет. Но я сын того, кто не позволяет своим подчиняющимся умирать от ерунды.

Мак усмехнулся — в первый раз за весь вечер. И сел.

Умбрис опустился рядом, разорвал подол своей рубахи и начал перевязывать рану. Пальцы слушались плохо — первый раз в жизни он делал это кому-то другому.

— Ты не похож на тень, — сказал он, не поднимая глаз.

— А на кого я похож?

— На идиота, который полез под арбалет.

Мак помолчал.

— Может быть, — сказал он тихо. — Но я смотрел на тебя весь день. Ты никого не тронул. Даже когда они выли на тебя грязью. Даже когда могли ударить. Ты сдерживался. Поэтому

ты заинтересовал меня .

Умбрис закончил перевязывать, поднял глаза.

— Ты будешь докладывать Терну о том, что случилось?

— Часть, — сказал Мак. — Не всю.

— Почему?

— Потому что он не должен знать, что ты умеешь ходить через тени.

Умбрис вздрогнул.

— Я не

— Ходил. На секунду. Но этого хватило, чтобы ты оказался у него перед носом быстрее, чем он успел выстрелить. Я заметил.

Они смотрели друг на друга. Ветер трепал волосы Мак. Где-то далеко лаяла собака.

— Ты боишься меня? — спросил Умбрис.

Мак подумал.

— Нет, — сказал он. — Наверное, это глупо. Но нет.

— Почему?

- Потому что я сильнее. - он улыбнулся - идем нам пора
Умбрис хотел ответить — и не нашёл слов.

Тогда Мак медленно поднялся, поморщился от боли, протянул руку.

— Давай обратно, Черныш. Уже почти рассвет. Терн будет ждать доклад.

— А что ты ему скажешь?

— Что всё чисто. Что ты никуда не убегал. .

Они вернулись в академию.

Утро пришло слишком быстро. Умбрис почти не спал — всё прокручивал в голове фиолетовые глаза Мака, его слова, свой рывок сквозь тень. Но время не ждало.

Они отработывали полосу препятствий. Старая крепостная стена с проломами, канаты, рвы с водой. Инструктор разбил их на пятёрки. Умбрис попал в группу к тем же старшекурсникам.

Кирр смотрел на него с предвкушением.

— Смотрите, не утони, полубожок, — бросил он, проходя мимо.

Полоса была сложной, но Умбрис справлялся. Он был быстрее, чем казался, и цепче, чем ожидали. На третьем рубеже он уже почти обогнал Кирра, когда услышал крик. Не сзади. Сбоку.

Мелкий курсант — тот самый толстый бледный парень, который сидел впереди на тактике — сорвался с каната. Он висел над рвом, судорожно хватаясь за скользкую верёвку, и его пальцы медленно разжимались.

Никто не остановился.

Кирр и его компания пробежали мимо, даже не глянув. Кто-то крикнул «держитесь», но не обернулся.

Умбрис не думал. Он просто прыгнул. Волчья реакция сработала раньше, чем человеческий расчёт. Он перелетел через перила, уцепился за соседний канат, подтянулся — и схватил парня за шиворот в тот самый момент, когда тот со-

рвался.

Парень повис на его руке, тяжело дыша и бессмысленно глядя вниз.

— Хватайся, — прошипел Умбрис.

Парень вцепился в его плечо. Вместе они кое-как добрались до платформы. Умбрис сел на корточки, восстанавливая дыхание. Сердце колотилось где-то в горле.

— Сп спасибо, — выдавил парень.

Умбрис кивнул, не глядя на него. Он ждал, что кто-то подойдёт. Скажет что-то. Хотя бы посмотрит иначе.

Никто не подошёл. Киrr и его компания уже стояли на финише, переговаривались и не оборачивались. Инструктор записал что-то в планшет, не поднимая головы.

Парень, которого он спас, быстро поднялся и отошёл в сторону — не убежал, но и не остался рядом. Как будто даже благодарность была опасной. Умбрис остался сидеть один на холодной платформе.

Только сейчас он заметил, что ладони стёрты в кровь. Вода изо рва намочила штаны. В ушах всё ещё звенело.

Геройство не смывает кровь отца. Оно не делает тебя своим. Он поднялся, отряхнулся и пошёл к финишу последним. Никто не обернулся.

Глава 5

Утро началось с голоса, который Лавия ненавидела больше всего на свете.

— Смотрите-ка, наша пленённая принцесса собственной персоной. И куда это ты так спешишь? Нянчиться со своим шакальным отродьем?

Лавия замерла на месте. Она даже не обернулась.

Не потому, что испугалась. Просто слишком хорошо знала Вианну. Стоило подарить ей хоть взгляд — и та вцепится в него, как голодная собака в кость.

Коридор академии был почти пуст. Лишь холодный утренний свет струился сквозь узкие стрельчатые окна, ложась на каменные плиты длинными бледными полосами. Где-то далеко раздавались приглушённые шаги курсантов, спешащих на занятия.

И голос Вианны. Резкий. Ядовитый. Привычный. Лавия медленно повернула голову.

Вианна стояла возле колонны, небрежно прислонившись плечом к серому камню. На её губах играла знакомая насмешливая улыбка. Когда-то эта улыбка была другой.

Когда-то они вместе бегали по дворцовым садам. Прятались от наставников. Тайком пробирались на кухню за сладостями.

Когда-то Вианна выпрашивала у неё разрешение приме-

ритель фамильную диадему и смотрела на неё снизу вверх с искренним восхищением.

Теперь же в её взгляде не осталось ничего, кроме презрения. Будто перед ней стояла не дочь погибшего героя, а грязь под подошвой дорожных сапог.

— Я с тобой не разговариваю, — спокойно сказала Лавия.

— А зря.

Вианна оттолкнулась от колонны и сделала несколько шагов вперёд.

— Я могла бы научить тебя, как вернуть себе хоть каплю достоинства.

— Правда?

— Конечно. Для начала перестань притворяться, что ты его сестра. Ты всего лишь заложница. Все это знают. Даже ты сама.

Лавия почувствовала, как ногти впиваются в ладони. Слова били точно в цель. Как всегда. Перед глазами вспыхнули обрывки воспоминаний. Отец в доспехах. Мать, склонившаяся над его телом. Огонь. Крики. Разрушенные стены. Кровь на камнях дворца. Она хотела ответить. Хотела сказать, что её мать была мудрее половины дворянского совета вместе взятой. Что её отец погиб, прикрывая отступление тех самых семей, которые сегодня называют его дочь пленницей.

Что сама Вианна сидит сейчас в безопасности только потому, что тысячи людей когда-то встали между войной и её домом. Но Лавия промолчала. Она слишком давно жила сре-

ди аристократов, чтобы не понимать простую истину. Некоторые люди задают вопросы не для того, чтобы услышать ответ. Они задают их, чтобы причинить боль. Любое её слово будет перекручено. Любая эмоция станет оружием. И ударит не только по ней. По Умбрису тоже. Лавия медленно выдохнула.

— Иди ты.

Сказано было тихо. Почти спокойно. Но этого хватило. Она развернулась и пошла дальше по коридору. Позади раздался короткий смешок. Вианна не стала догонять. Ей и не нужно было. Она уже добилась своего. Сердце колотилось где-то в горле. Лавия ускорила шаг. Только свернув за угол и оказавшись вне поля зрения Вианны, она позволила себе остановиться. Прислонилась ладонью к холодной стене. Медленно вдохнула. Потом ещё раз. И только тогда заметила движение сбоку.

— Вы поссорились?

Она вздрогнула. Умбрис стоял в глубокой нише возле окна.

- Как давно он был здесь?

Лавия даже не услышала его шагов. Он стоял, скрестив руки на груди. Лицо оставалось спокойным, почти безразличным. Но глаза выдавали всё. Слишком тёмные. Слишком внимательные.

— Неважно, — ответила Лавия. — Она никто.

Умбрис несколько секунд молча смотрел на неё. Потом

тихо спросил:

— Ты плакала?

— Нет.

— Врёшь.

Лавия отвела взгляд. И этого оказалось достаточно. Умбрис шагнул ближе.

— Это из-за меня?

— Нет.

— Лавия...

— Нет.

— Если бы ты не была связана со мной...

Она резко повернулась к нему.

— Если бы я не была связана с тобой, меня бы убили в ту же ночь, что и отца.

Умбрис замолчал.

— Вместе с мамой, — продолжила она уже тише. — Нас бы просто не оставили в живых.

Коридор погрузился в тишину. Лавия смотрела прямо ему в глаза.

— Ты дал мне жизнь, Умбрис. Понимаешь? Не отнял. Дал. Поэтому никогда больше не смей говорить так, будто я чем-то пожертвовала ради тебя.

Его взгляд дрогнул. Он опустил голову.

— Прости.

Всего одно слово. Тихое. Усталое.

Лавия подошла ближе и положила руку ему на плечо.

— Мы оба здесь не по своей воле, — сказала она мягче.

— Но мы всё ещё живы.

Умбрис молчал.

— И мы всё ещё вместе.

Она слегка сжала его плечо.

— Запомни это.

Несколько секунд он ничего не отвечал. Потом медленно кивнул. Не поднимая глаз. Но Лавия почувствовала, как напряжение понемногу уходит. словно тяжёлый камень, который он носил внутри себя, стал хоть немного легче. А через несколько минут прозвучал звон колокола, созывающий курсантов на занятия. Начиналась вторая пара.

Вторая пара была боевой подготовкой.

Инструктор — сухой, жилистый мужчина с лицом, испещрённым старыми шрамами, словно картой давно пережитых войн, — построил курсантов в широкий круг и медленно окинул их тяжёлым взглядом.

Под этим взглядом хотелось выпрямиться ещё сильнее или провалиться сквозь землю.

— Сегодня работа в парах, — произнёс он. — Пары начинаю я. Бой до первого падения. Без магии. Без фокусов. Только ваши руки, головы и то, что в них находится.

По строю пробежали смешки. Инструктор не улыбнулся. Смешки мгновенно стихли. Он медленно пошёл вдоль шеренги, всматриваясь в лица.

— Умбрис. Геррар. В центр.

По рядам сразу прошелестело. Кто-то присвистнул. Кто-то негромко выругался. Умбрис сделал шаг вперёд. Краем глаза он заметил, как напряглась Лавия. Как Мак, стоявший в заднем ряду, нахмурился и чуть подался вперёд. Словно уже понимал, чем всё может закончиться. Геррар вышел навстречу. Высокий. Широкоплечий. Уверенный в себе до наглости. Он считался лучшим бойцом группы и прекрасно знал это. Но сегодня в его взгляде было что-то ещё. Что-то тёмное. Личное. Ненависть. Не к сопернику. К самому Умбрису.

— Начали.

Геррар рванулся вперёд мгновенно. Без разведки. Без проверки дистанции. Сразу в атаку. Первый удар. Второй. Третий. Умбрис едва успевал закрываться. Каждый блок отдавался болью в руках. Каждое столкновение заставляло мышцы гореть. Геррар давил. Наступал. Пытался смять его грубой силой.

— Что такое? — прошипел он, наваливаясь всем телом.
— Где твоя сила, полубог?

Удар.

— Или ты только за спинами прячешься?

Удар.

— Как твой отец?

Последние слова ударили сильнее кулака. На мгновение перед глазами Умбриса вспыхнули лица.

Лавия. Рыжик. Мак. А потом — Анубис. Не настоящий.

Лишь воспоминание. Тень. Но её оказалось достаточно. Что-то внутри дрогнуло. Что-то огромное и древнее, спрятанное глубоко под человеческой оболочкой. Холодная волна прокатилась по позвоночнику. Умбрис стиснул зубы. Нет. Только не сейчас. Геррар ударил снова. Кулак врезался в скулу. Во рту появился металлический привкус крови. По кругу прокатился возбуждённый гул.

— Вот и всё? — усмехнулся Геррар. — А я думал, сын бога сможет показать что-нибудь лучше.

В этот момент терпение Умбриса треснуло. Совсем немного. Лишь на миг. Тень под его ногами дрогнула. Потемнела. Стала глубже. Будто живая. По спине пробежал ледяной холод. Никто не заметил этого сразу. Кроме Мака. Тот побледнел. Геррар бросился вперёд, желая закончить бой. И тогда произошло то, чего никто не ожидал. На долю секунды Умбрис словно растворился. Не исчез полностью. Нет. Но его силуэт будто скользнул в собственную тень. Размылся. Потерял чёткость. Удар Геррара рассёк пустоту. По кругу раздались удивлённые возгласы. Умбрис уже оказался сбоку. Он сам не понял, как это произошло. Тело двигалось быстрее мысли. Быстрее человеческих возможностей. Словно кто-то шептал ему в самое ухо: «Двигайся.» Подсечка. Разворот. Толчок плечом. Геррар потерял равновесие. Его ноги оторвались от пола. А через мгновение он с грохотом рухнул на маты. Тишина накрыла площадку. Полная. Тяжёлая. Даже инструктор застыл. Умбрис стоял над противником, тяжело

дыша. Сердце колотилось как безумное. В груди гулял холод. Тот самый холод, который всегда появлялся рядом с силой отца. Он посмотрел на свои руки. Ему на миг показалось, что между пальцами ещё клубится чёрный дым. Но наваждение исчезло. Осталась лишь дрожь. Страх. И чувство вины. Он снова прикоснулся к этой силе. Пусть совсем чуть-чуть. Пусть случайно. Но прикоснулся. Умбрис протянул Геррару руку.

— Встань.

Геррар посмотрел на неё так, словно видел перед собой ядовитую змею.

— Ничья, — тихо сказал Умбрис.

— Ничья?!

Геррар вскочил сам и оттолкнул его ладонь. Лицо его побагровело.

— Ты меня подловил!

— Нет.

— Я был не готов!

— Ты был зол, — спокойно ответил Умбрис. — Это не одно и то же.

Инструктор поднял руку.

— Бой окончен.

Он помолчал. Слишком долго. Словно обдумывал увиденное.

— Победитель — Умбрис.

По кругу прокатился шёпот. Теперь уже другой. Не на-

смешливый. Настороженный. Кирр смотрел с плохо скрываемой ненавистью. Вианна закусила губу. Тебб опустил глаза. А Геррар... Геррар смотрел так, будто увидел чудовище.

— Ты не должен был меня победить, — сказал он тихо. Только для двоих.

— Я не пытался тебя унижить. Только защищался.

— Защищался?

Геррар горько усмехнулся.

— Ты хоть знаешь, что такое защищаться? Когда у тебя в крови сила бога?

Умбрис выдержал его взгляд.

— Знаю.

— Правда?

— Потому что каждый день защищаюсь от желания её использовать.

И впервые за весь бой это была чистая правда. Он развернулся и пошёл прочь. Спина оставалась прямой. Шаг уверенным. Но внутри всё дрожало. Потому что сегодня он оказался намного ближе к Анубису, чем хотел признать.

Ночью Умбрис снова стал волчонком.

Трансформация прошла привычно. Мир вокруг изменился. Запахи стали ярче. Звуки — отчётливее. Ветер принёс тысячи чужих историй: дым очагов, свежий хлеб с ночной пекарни, сырость каменных улиц, запах лошадей и людей.

Но сегодня он бежал не от боли. Не от страха. Не от собственных мыслей. Он бежал к единственному существу, ря-

дом с которым мог хотя бы ненадолго забыть, кто он такой. Рыжик ждал его на старом месте. На крыше заброшенного склада за южным рынком. Обычно стоило Умбрису появиться, как Рыжик начинал вилять хвостом, прыгать по крыше и засыпать его десятком вопросов одновременно. Сегодня всё было иначе. Рыжик сидел неподвижно. Поджав лапы. Глядя куда-то в ночную темноту. И это сразу насторожило Умбриса.

— Ты долго.

Голос прозвучал в его голове непривычно сухо.

— Был занят.

— Чем?

Умбрис устроился рядом. Их плечи почти соприкоснулись. Почти. Но не совсем. Словно между ними появилась невидимая стена.

— Думал.

— О чём?

Умбрис поднял взгляд к луне. Слова дались тяжело.

— О том, почему люди ненавидят тех, кого даже не знают.

Рыжик медленно повернул голову. В лунном свете его шерсть казалась не рыжей, а тёмно-красной. Почти цвета крови.

— Опять о сыне Анубиса?

— А ты опять его ненавидишь?

— Потому что он мой враг!

В мысленном голосе Рыжика прозвучала такая ярость, что

Умбрис невольно вздрогнул.

— Он ничего тебе не сделал.

— Он сын того, кто сделал!

— Это не одно и то же.

Рыжик резко вскочил. Шерсть на загривке поднялась дыбом.

— Что с тобой сегодня?

Умбрис молчал.

— Ты всегда меня понимал.

— И сейчас понимаю.

— Нет!

Рыжик сделал несколько шагов назад.

— Раньше ты говорил иначе. Ты знал, кто враг.

— А если всё не так просто?

— Просто!

— Ты его хотя бы видел?

— Видел. Мы бились с ним сегодня. И он выиграл бой применив силу бога. Все видели это, но некто не сделал замечания. Потому что знали он сын бога.

— Но ты не разговаривал с ним. Не знаешь какой он внутри.

Рыжик замер. На мгновение. Всего на мгновение. Но потом в его глазах снова вспыхнула злость.

— Я не хочу разговаривать с отцом убийцы моего брата. Слова ударили сильнее любого удара.

Умбрис почувствовал, как что-то болезненно сжалось

внутри. Если бы Рыжик только знал... Если бы хоть на миг догадался, кому именно сейчас говорит эти слова.

— Он кровь от крови, — продолжил Рыжик. — Такие не меняются.

Другого не дано. Умбрис отвёл взгляд. Ветер трепал его чёрную шерсть. Где-то далеко лаяли собаки. На соседней улице хлопнула дверь. А между двумя друзьями разрасталась пропасть.

— Ты странный сегодня, — сказал Рыжик уже тише.

В его голосе появилась усталость.

— Наверное, мне лучше уйти.

— Рыжик...

— Не надо.

Впервые за всё время знакомства в этих словах не было тепла. Только разочарование.

— Просто не надо, Черныш.

Рыжик прыгнул на соседний карниз. Потом на крышу соседнего дома. И исчез в ночи.

Умбрис остался один. Маленький чёрный волк на огромной холодной крыше. Он смотрел туда, где только что был его друг.

За час до рассвета Мак стоял в кабинете наместника Терна.

Кабинет был огромным. Слишком просторным. Слишком тихим. Словно даже стены боялись лишний раз издать звук. Терн стоял возле окна. Сцепив руки за спиной.

— Ничего нового? — спросил он.

— Нет, ваша светлость.

— Совсем?

Мак заставил себя не отводить взгляд.

— Умбрис ведёт себя тихо. Избегает конфликтов. Держится особняком.

— Любопытно.

Терн повернулся. В его глазах появилось что-то похожее на усмешку.

— Потому что до меня дошли совсем другие слухи.

Мак почувствовал, как напряглись плечи.

— Сегодня он победил Гerratра.

— Гerratр был не в форме.

— Или Умбрис оказался сильнее?

Мак промолчал. И этого оказалось достаточно. Терн медленно подошёл ближе. Слишком близко. Мак почувствовал запах железа, дорогих благовоний и чего-то сладкого, вызывающего тошноту.

— Ты врёшь мне.

— Нет, ваша светлость.

— Врёшь.

Голос Терна остался спокойным. Именно поэтому он пугал сильнее крика.

— Но пока я готов закрыть на это глаза.

Мак молчал.

— Потому что ты нужен мне рядом с ним.

Терн остановился напротив.

— Однако запомни одну вещь.

Его голос стал тише.

— Если однажды этот мальчик станет угрозой...

Пауза.

— Не для города.

Не для академии. Для меня. Тогда ты убьёшь его. Мак почувствовал, как по спине пробежал холод.

— Понял.

— Надеюсь.

Умбрис не спал. Он сидел на подоконнике и смотрел, как ночь медленно уступает место рассвету. Небо за окном серело. Город просыпался. А внутри него самого царил хаос. Геррар. Рыжик. Мак. Лавия.

Две жизни. Два имени. Две правды. И ни одной возможности соединить их вместе. Дверь тихо скрипнула.

— Ты опять не спишь.

Лавия вошла без стука. Как всегда. Умбрис невольно улыбнулся.

— А ты опять вламываешься.

— Кто-то должен следить, чтобы ты не натворил глупостей.

Она села рядом. Подобрал ноги. Словно это была её комната. И почему-то именно это показалось Умбрису правильным.

— Видела, ты сегодня победил Геррара.

— И что?

— Теперь они боятся тебя.

Умбрис горько усмехнулся.

— Раньше ненавидели. Теперь боятся. Великолепный прогресс.

Лавия тоже улыбнулась. Но ненадолго.

— Иногда страх спасает от ножа в спину.

— А иногда приводит к нему.

Повисла тишина. Потом Умбрис тихо сказал:

— Я чуть не рассказал Рыжику правду.

Лавия повернула голову. Она знала про наши похождения с ним. Умбрис уже рассказывал ей.

— И почему не рассказал?

— Потому что он не готов.

— А ты?

Умбрис долго смотрел на светлеющий горизонт. Потом ответил честно:

— Нет.

Он сделал паузу.

— Я боюсь.

— Чего?

Голос Лавии стал совсем мягким.

— Что когда он узнает, кто я...

Он сглотнул.

— То посмотрит на меня так же, как остальные.

Лавия молча придвинулась ближе. Взяла его за руку. Хо-

лодную. Напряжённую. Словно он держался из последних сил.

— Тогда будем готовиться вместе.

— К чему?

— Ко всему. К правде. К будущему. К страху. К тому дню, когда придётся выбирать.

Умбрис посмотрел на неё. И вдруг понял, что впервые за очень долгое время не чувствует себя одиноким. Рядом сидел человек, который знал о нём почти всё. И всё равно оставался рядом. Это дарило надежду. И одновременно пугало сильнее любой ненависти. Потому что ненависть он умел переживать. А вот потерять того, кто стал по-настоящему близким... К этому он был совершенно не готов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.